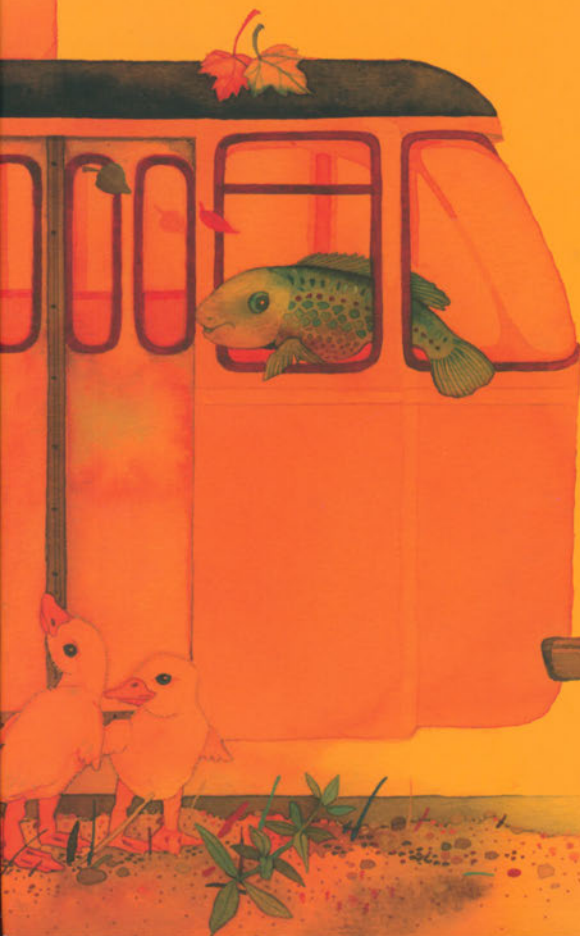

Леэло Тунгал ЁЖИК ФЕЛИКС

Ёжик Феликс и криминальный зоопарк
Ёжик Феликс и заботы осени
Ёжик Феликс и гномик Керли

Ёжик Феликс и криминальный зоопарк

Отважный ежонек Феликс случайно попадает в зоопарк и находит там много друзей. Ему нравится сочинять стихи, и он посвящает их своим новым приятелям – слону, льву, верблюдице и другим обитателям зоопарка.

Когда в зоопарке начинает орудовать неизвестный преступник, Феликс спешит на помощь своим друзьям. Он на время забывает свое любимое сочинительство, становится детективом и начинает расследование.

Ёжик Феликс и заботы осени

Любопытному ежонку Феликсу нравится путешествовать, беседовать со своими друзьями и время от времени сочинять стихи. В зоопарке происходит много разных событий, и ежонек постоянно попадает во всевозможные передрыгги. Он должен спасти из разбойничьих лап павлина Паапа, но дело осложняется тем, что ему постоянно хочется спать. Ничего странного в этом нет: ведь зима не за горами, а ёжики, как известно, зимой должны спать.

К счастью, добродушный ежонек Феликс находит новых друзей, которые помогают ему выбраться из запутанных ситуаций: золотую рыбку Гольду и дога Гектора-Гермину.

Ёжик Феликс и гномик Керли

Что происходит, когда ежи впадают в зимнюю спячку? Может, они видят во сне жаркие летние дни или сочиняют стихи о тёплых летних вечерах?

Но, похоже, Феликсу придётся повременить с зимней спячкой. Маленький гномик – малышка Керли – придумала план, который понравился всем зверям: провести в зоопарке большой рождественский вечер. А для этого события Феликсу придётся сочинить много рождественских стихов, ведь он – известный на весь зоопарк поэт. Сможет ли Феликс справиться с такой трудной задачей? Узнаешь, когда прочтёшь эту книгу.

9 789949 545001

Художница Регина Лукк-Тоомпере

Леэло Тунгал

ЁЖИК ФЕЛИКС

Ёжик Феликс и криминальный зоопарк

Ёжик Феликс и заботы осени

Ёжик Феликс и гномик Керли

Таллинн

Издательство «КПД»

2014

Перевод с эстонского Александра Кеса

Перевод стихов с эстонского Михаила Яснова

Издание осуществлено при поддержке фонда
«Эстонский капитал культуры»
(Eesti Kultuurkapital)

**Тунгал Лезло. ЁЖИК ФЕЛИКС. Ёжик Феликс и
криминальный зоопарк. Ёжик Феликс и заботы
осени. Ёжик Феликс и гномик Керли.**

/Пер. с эст. А. Кеса. Пер. стихов с эст. М. Яснова.

Рис. Р. Лукк-Тоомпере. – Таллинн: Издательство «КПД»,
2014. – 168 с. с илл.

Оригиналы:

Siil Felix ja kriminaalne loomaaed. – Tallinn: Varrak, 2005

Siil Felix ja sekelduste sügis. – Tallinn: Varrak, 2005

Siil Felix ja päkapliks Kerli. – Tallinn: Varrak, 2005

Редактура, корректура: Эмма Дарвис

Художественное оформление, макет: Ульви Лахесалу

ISBN 978-9949-545-00-1

@ Лезло Тунгал, текст, 2014

@ Александр Кеса, перевод, 2014

@ Михаил Яснов, перевод стихов, 2014

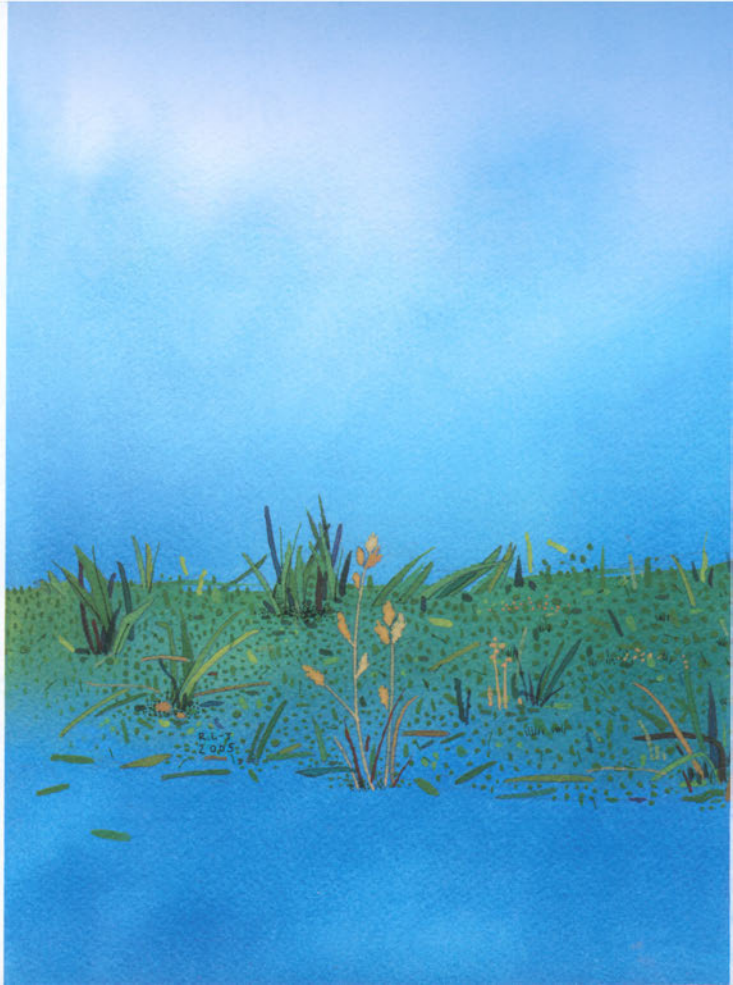
@ Регина Лукк-Тоомпере, иллюстрации, 2014

@ KPD kirjastus OÜ, 2014

Издательство «КПД»

www.kpd.ee

Таллиннская книжная типография

КНИГА ПЕРВАЯ

Ёжик Феликс и криминальный зоопарк

Удивительный сон зайчихи Инес

*В зоопарке тихо-тихо,
Спят медведи, дремлет слон...
Инес, добрая зайчиха,
Тоже спит – и видит сон:*

*Будто в клетке, словно птичка,
Вдруг снесла она яичко...
Кто б во сне такое вынес?
Вскрикнув «Ой!», проснулась Инес.*

*Миска, полная водою,
Сено, клетка, ночь вокруг...
Рядом в неге и покое
Спит Альберт, её супруг.*

*Где ж яйцо? Яйца-то нету!
В клетке всё светлей к рассвету.
Сон не в лапу – хоть убей!
Очень грустно стало ей.*

*Вдруг – ещё недоставало! –
Ухо чуткое поймало
То ли шорох, то ли писк,
То ли чей-то тихий визг.*

*Это кто из сена вылез?
– Ой-ой-ой! – вскричала Инес. –
Не сбежать ли наутёк?
Просыпайся, муженёк!*

*Что за странные шерстинки
На колючей мягкой спинке?
Глазки, носик... Красота!
Кроха... Как жилет крота!*

*Что за зверь? А он упрямо,
Будто Инес – это мама,
Отыскал её сосок –
И сосёт, не чуя ног.*

*Инес даже прослезилась:
– Кто же ты, скажи на милость?
Откормила я зайчат –
Грустно мне без милых чад!*

*Ну а тут – ещё сыночек,
Тёплый маленький комочек...
Спи! А он уже сопит
И, прижавшись к Инес, спит.*

Лунный зверь в свете дня

Вы, конечно же, замечали, что ночью, во сне, происходят таинственные и неправдоподобные события. То же самое случилось с зайчихой Инес. Когда она открыла свои красивые красные глазки (красивые, потому что Инес – всё-таки дама, а красные, потому что почти у всех зайцев и кроликов красные глаза), так вот, проснувшись, она сразу же поняла, что ночное видение – серебряное яйцо – это всего лишь сон.

Тут надо сказать, что бывший однокашник Инес, господин Енот, придавал сновидениям большое значение: если, например, он видел во сне, что собирается на охоту, то был абсолютно уверен, что его ждут большие хлопоты. А если во сне он наступал на коровью лепёшку, это означало, по мнению Енота, приближение большого счастливого события. Но Инес не принимала сновидения всерьёз.

Однако проснувшись, она поняла, что не все детали сна исчезли бесследно: приснившийся ей комочек шерсти по-прежнему сопел и бормотал в углу клетки. Представьте себе, как обескуражила её эта утренняя «находка»!

Папа Альберт рассерженно посмотрел на Инес и, махнув лапой в сторону зверька, спросил у своей жены:

– Кто ЭТО тут? Опять какой-нибудь родственничек из Сетумаа? Хотелось бы знать, почему никто никогда не советуется со МНОЙ, прежде чем приглашать гостей.

Не дав Инес ответить, Альберт продолжал недовольным голосом:

– И вообще КТО в клетке хозяин? ЧЬЁ имя написано на дверце? Похоже, НЕКОТОРЫЕ позабыли главное правило: безбилетным ЗАЙЦАМ проезд запрещён!

– Ну, на зайца-то он вовсе не похож, – заметила Инес.

– Не придирайся к словам, – огрызнулся Альберт. – Только-только повзрослел последний выводок и переехал в собственные клетки, только в доме стало чуточку просторнее, и на тебе – уже новые «родственнички» из провинции на пороге!

– Подумаешь, прилетала с Сетумаа бабочка! Много места она заняла в твоей клетке? Её и видно-то не было – она то в Музей здоровья летала, то в Дом торговли за покупками, а на следующий день её и след простыл.

– Что значит – «не мешала»?! Жуёшь лист одуванчика да глядишь в оба глаза – как бы бабочка в рот не попала. Никакого удовольствия от еды! А теперь ещё этот зверь неизвестной породы... Почему он в МОЕЙ клетке?

– Откуда я знаю... – развела лапами Инес. – Ночью, когда мне привиделось, что я снесла серебряное яйцо в золотой дымке...

– Оставь эти пасхальные разговоры! – прервал Альберт жену. – Не хочешь же ты сказать, что ты снесла яйцо, из которого вылупилось это непонятное существо...

Инес неопределённо хмыкнула и повернулась к Альберту спиной.

– Но даже если он и вылупился из яйца, ему всё равно категорически запрещено храпеть в моей квартире! – отрубил Альберт.

– Может, он с Луны свалился? – предположила Инес. – Так сказать, лунный зверёк...

А зверёк тем временем проснулся, подобрался под бочок к Инес и, причмокивая, принялся сосать сладкое молоко.

– Что это за новости? – передёрнул ушами Альберт. – Зверь, свалившийся с Луны, сосёт молоко, как какой-нибудь зайчонок. Прогони его немедленно!

– Пусть останется, – примирительно улыбнулась Инес.

Рассмотрев зверька, Инес обнаружила, что он вовсе не шерстяной, а с головы до пят покрыт мягкими иголочками. Конечно же, Инес сразу поняла, что ночной гость не имеет никакого отношения к небесному светилу и что перед ней обычный маленький ежонок.

– В нашем зоопарке категорически запрещено кормить животных, – пробурчал Альберт.

– Когда же ты наконец запомнишь, что надо говорить не категорически, а категорически? – с укором произнесла Инес.

Вскоре пришёл смотритель, принёс свежую траву и воду и стал чистить клетку. Инес спрятала ежонка под бочок.

Альберт бросал на неё сердитые взгляды, но не стал продолжать спор при свидетелях.

Ежонок изучает местность

Ежонок рос, набирая в весе не по дням, а по часам. Альберт, конечно, тоже понял, что дело они имеют не с загадочным существом с Луны, а с обычным ежонком. Альберт его уже не опасался, но и держать малыша в «ежовых рукавицах» (так он обычно воспитывал своё потомство) не мог. Свой излюбленный приём – укус за ухо – Альберт на ежонке не практиковал: уж больно быстро заострились ежиные иголочки!

Из-за этих же колючек Альберт не мог также шлёпать ежонка лапой, хотя, по мнению Альберта, это было просто необходимо: ежонок ни в какую не хотел подобострастно дрожать перед хозяином клетки и приседать от страха. Наоборот, он совал свой влажный носик всюду и задавал вопросы, которые ставили Альберта в тупик.

- А где мы живём? – спрашивал ежонок. – Как это место называется?
- Клетка! – важно отвечал Альберт.
- А где эта клетка находится?
- Где-где, в зоопарке, конечно.
- А где находится зоопарк?
- В Таллинне! – важничал Альберт. Он гордился тем, что жил в столице, а не в глухой деревушке или, не дай бог, на каком-нибудь лесном хуторе. Но ежонок не унимался.
- А где этот Таллинн находится?
- Таллинн находится в Таллинне, – раздражался Альберт. – Таллинн – вообще-то столица. А столица – это такое особенное место, главный город. Понятно?
- Таллинн находится в Эстонии, – мягко добавляла Инес. Своё детство она провела в Южной Эстонии и во время переезда в Таллинн повидала немало интерес-

ного. К тому же она не считала себя такой важной, как Альберт, и всегда вострила уши, с любопытством слушая людей и зверей, независимо от того, откуда они – с земли или с неба.

– А где находится Эстония? – спрашивал неугомонный ежонок.

– Он будто капустный вилок чистит: под каждым листом прячется ещё один, – недовольно бормотал Альберт. – Много будешь знать, скоро состаришься.

«Но ты, видно, немного знаешь, если выглядишь так молодо», – подумал ежонок, а вслух сказал:

– А всё-таки где эта Эстония находится?

– Слушай, паренёк, ты своими вопросами Альберта уже замучил! – воскликнула Инес. – Думаешь, между ушами у зайца так много мудрости...

– Пусть спрашивает. Надо же ему хоть чему-то научиться у более умных созданий. Эстония находится, естественно, в зоопарке, – недовольно продолжал Альберт. – Теперь, когда представление о мире у тебя сформировалось, подумай над этим, а у меня есть дела и поважнее.

Так заяц избавился от назойливого собеседника, закрыл глаза и погрузился в послеобеденный сон.

– Эстония находится в Европе, – сквозь сладкую дрему услышал Альберт и подивился, откуда зайчиха понабралась таких премудростей. А Инес терпеливо объясняла:

– Европа находится в Евразии, а Евразия – на планете, которая называется Земля. По крайней мере так было до прошлого лета, когда два школьника приходили помогать чистить клетки и старший объяснял младшему как раз то, что тебя интересует. Теперь ты доволен?

«Ну, теперь я приблизительно знаю, где живу, – подумал ежонок. – Надо же знать, как найти дорогу домой, если потеряешься. Нужно просто вежливо спросить: «Извините, где находится планета Земля?»

Боевые песни зайцев

*Эй, братцы, эгей!
Кто зайцев храбрей?
Мы будем царить над природою всей!
Отважным – ура!
Настанет пора,
И станет Земля, как большая нора!*

*Кто заяц в душе,
Тот знает уже:
Мы всё завоюем в своём кураже!
Пред нами дрожат
Войска лягушат,
Вперед, смельчаки, и – ни шагу назад!*

– громко пел Альберт. А ежонок старательно ему подтягивал. В тёплые светлые летние вечера, когда живот полон сладким клевером и всё вокруг кажется невероятно красивым, Альберт любил затянуть песню. Ему нравились удалые песенки, и когда он их распевал, его задняя лапка сама по себе начинала отбивать ритм. Инес тоже любила петь, но ей больше нравились детские считалочки и любовные романсы о «разбитом сердце». Ежонку эти сладкие песенки были не по нраву, он слушал и с удовольствием подпевал Альберту о настоящих мужских «сражениях».

«Пред нами дрожат войска лягушат» – начал заяц и вдруг смолк на полуслове.

– Ну что, смелость улетучилась? – усмехнулась Инес.

– Не смелость улетучилась, а еда, – произнёс Альберт. – В этот час каждый вечер в клетке уже лежат свежие листья одуванчика. А где они сегодня? Почему еды до сих пор нет? Тут уже не до песен, живот бурчит от голода.

– А большой норой станет вся планета Земля? – вдруг раздался голос любопытного ежонка. – И как зайцы будут царить над природою всей?

– А? – переспросил Альберт. – Какая планета?

– Ну, ты же сам поёшь: *«И станет земля, как большая нора»*. Вот мне и непонятно: этой норой станет Таллинн? Эстония? Или та самая Евразия? Или, может, вся планета Земля станет большой норой?

– Любопытство – не порок, – перехватила Инес лапу своего нетерпеливого супруга, которую он уже поднял, чтобы стукнуть ежонка. – Особенно, если любопытный – это зверёк с иголками.

– Как может рассуждать какой-то ёж о великих заячьих завоеваниях? – пренебрежительно произнёс Альберт. – Где ему понять...

Но Инес все же попыталась объяснить приёмному сыну:

– Заячьи народные предания говорят о том, что настанет время, когда всем миром будут управлять зайцы. Волки и лисы подожмут хвосты и убегут далеко-далеко, на северные земли. Людей, собак и кошек засунут в клетки, и мировыми делами будет управлять Заяц всех зайцев, у которого уши с большими кисточками, золотые бивни до самой земли и огненно-красные когти. Вся земля станет раем с бесконечными полями клевера, капусты и моркови...

– Кто же будет ухаживать за капустными полями, если все люди будут сидеть в клетках?

– Предание гласит:

Зайцам обязан служить человек:

Так было от века – и будет вовек!

Пусть поле мотыжит, сажает капусту –

И людям полезно, и зайчикам вкусно!

– Хорошая идея, – заметил Альберт. – Служение зайцам придаст жизни людей новый смысл. Эти несчастные полуголые создания не умеют бегать на длинные дистанции, высоко прыгать, бегать кругами, чтобы запутать следы, есть траву и жевать кору яблонь. А без всего этого какой в их жизни смысл? Что им остаётся делать? Собирать яблоки по осени да на зиму прятаться в своих клетках с окнами, ведь спать в снегу они не могут. Уши у них маленькие, потому и слуха никакого нет – даже крадущегося волка в полукилометре они не слышат. Если мы, зайцы, однажды приручим людей и хорошенько их натренируем, на земле наступит райская жизнь!

– И когда же наступят эти райские времена? – не унимался ежонок.

Тут Альберт приосанился и важно произнёс:

– Тысячу лет зайцы должны петь свои воинственные марши. Люди и остальные хищники будут трястись от страха, и наконец появится Заяц всех зайцев. Правда, мы этого, наверное, не увидим, потому что от голода у меня уже в глазах потемнело. Погоди, погоди, моё ухо слышит чьи-то шаги...

Ужин с сюрпризом

Вскоре дверца клетки открылась и перед зайцами появилась большая душистая охапка сена. Сена было так много, что Инес с Альбертом даже прижались к прутьям клетки, но ежонок знал, что это ненадолго. Острые заячьи зубки работали, как кухонные комбайны, а что касается Альберта, то он один мог справиться с самой большой кучей сена.

– Капусту сегодня не принесли и морковку не принесли, может, конец света наступил? – придирчиво ворчал Альберт.

Инес посмотрела сквозь прутья клетки и со знанием дела ответила:

– Нет, это не конец света, просто смотритель опять навеселе.

– А, значит, сегодня смена этого выпивохи? – сказал Альберт. – Похоже, он опять забыл запереть дверцу клетки. Главное, чтобы сторожевая собака это не учуяла. Кстати, Инес, ты зачем жуёшь мой одуванчик, он на моей стороне лежал.

– На ТВОЕЙ стороне? – передразнила Инес. – Ты ведь косоглазый, потому и норовишь всё видеть со СВОЕГО боку.

Ежонку надоели эти препирания:

– Что вы всё время спорите? Взяли бы да и поделили поровну свои травинки-былинки.

– А вот и поделю! – решительно ударил Альберт лапкой по полу клетки.

Он подгрёб к себе большой ворох сена и заявил:

– Это – моя еда!

Ежонок с изумлением услышал, как Инес в ответ прошипела:

– Сс-сс-сс...

Но оказалось, что шипела вовсе не Инес. Из сена выползло НЕЧТО большое и серебристо-пёстрое. Извиваясь длинным телом, ОНО стало медленно подбираться к Инес.

– Помогите, гадюка! – завопила Инес, высоко подпрыгнув.

– О, ужас, я не могу на это смотреть! Бедная моя жена! Какая страшная змея!

Моё сердце этого не вынесет... – застонал Альберт, закрыл глаза и свернулся калачиком в дальнем углу клетки.

Инес в панике бросилась к Альберту, и серебристо-пёстрое НЕЧТО устремилось за ней.

– Ты зачем змее дорогу ко мне показываешь?!

А ну не лезь сюда, слышишь?! – рассердился Альберт и попытался выпихнуть Инес из своего угла. – Иди подальше, может, эта змея вовсе не змея, а змей-джентльмен, и он деликатно обходится с дамами...

Интуиция ежонка подсказала ему, что от этой кожаной штуки ничего хорошего ожидать не стоит. Ведь не может же нормальное животное быть хвостом от начала до конца! Причём этот шипящий хвост явно угрожал Инес.

Ежонок засеменял к странному зверю и, прыгнув, вонзил зубы в его хребет. (Если, конечно, у этого скользкого, покрытого маленькими чешуйками шланга вообще может быть то, что называется хребтом.) Змея, сердито шипя, встrepенулась и попыталась вырваться из маленьких острых зубов ежонка. Сено шуршало, гадюка шипела, ежонок сердито фыркал.

Альберт осторожно открыл один глаз и увидел, что противники сплелись в клубок, который постепенно движется к приоткрытой дверце клетки. Гадюка, извиваясь и шипя, всё же освободилась и тут же выползла сквозь щель, а ежонок грозил ей вслед своей коротенькой лапкой. В воцарившейся тишине слышалось лишь возбуждённое сопение ежонка.

Альберт осторожно открыл второй глаз и крикнул:

– Ура! Победа за нами!

– Ты, ежонок, настоящий герой! Но ещё и большой счастливчик! Капля змеиного яда убила бы взрослого зайца, а у тебя даже причёска не разлохматилась! – воскликнула Инес и попыталась обнять храброго победителя змей. Но тут же вскрикнула:

– Ай! Как тебя самого-то иголки не колют?

Потом она внимательно посмотрела на Альберта и сказала:

– Знаешь, Альберт, поскольку ежонок спас нам жизнь, давай назовём его Феликсом. На латыни это слово означает «счастливый».

– Откуда ты этот лутинский язык знаешь? – завистливо спросил Альберт. – Ну ладно. Положа руку на сердце, могу с уверенностью сказать, что ежонок мне сильно помог в борьбе с гадюкой. Одному мне пришлось бы изрядно повозиться, чтобы её победить. Ну, а раз ежонку всё равно рано или поздно надо дать какое-то имя, пусть будет Феликсом.

Ежонок улыбнулся. Феликс так Феликс. Хорошее имя. И всё равно, на каком языке: на латинском или лутинском. От возбуждения голос ежонка даже подрагивал, когда он подпевал Альберту последнюю строчку заячьей боевой песни:

*Всем лисам – каюк,
И бандам гадюк:
От хищников Землю очистим вокруг!
Скрывайся, змея,
Да будет Земля
Для зайцев – как ты, и для зайцев – как я!..
Эгей!*

Феликс покидает приёмных родителей

– И тогда я направил свой пылающий взгляд на гигантскую змею и поднял лапу, чтобы нанести ей смертельный удар! – кричал Альберт. – Я сразу понял, что имею дело с анакондой, которая решила проглотить меня и мою жену, даже не разжевав как следует...

– Ах, прекрати фантазировать, – пристыдила Инес мужа, который уже, наверное, в десятый раз рассказывал ей о поединке со змеей. И, надо заметить, что с каждым рассказом она становилась всё опаснее, а заяц – всё смелее.

– Я же не потерял память от страха! Вот здесь, в этой клетке, я победил страшную змею!

– А когда здесь была эта гигантская змея? – спросил Феликс, который, кстати, совсем недавно сделал неожиданное открытие. Оказывается, когда он шевелил ушами, у него поднимались иголки, а поднятые иголки кому угодно позволят чувствовать себя в полной безопасности. Вот и сейчас он выпустил свои иголки и с любопытством смотрел из своего колючего укрытия на Альберта. – Я бы тоже хотел увидеть анаконду.

– Не вмешивайся в разговор взрослых! – грозно крикнул Альберт. – И прекрати шевелить своими иголками! Малыши твоего возраста уже давно спят. Вот погоди, придёт песочный человечек и бросит тебе волшебный песок в глаза. Ты потрёшь их немного и сразу же заснёшь...

Теперь Феликс хотел знать, как выглядит этот песочный человечек, но, увидев сердитое лицо Альберта, на всякий случай закрыл глаза.

– В этой клетке нет никакого порядка, каждый болтает всё, что только ему взбрёт в голову, – ворчал Альберт, недовольно глядя на ежонка. – А ты, Инес, ничего вокруг себя не замечаешь, знай себе, носки вяжешь.

– А что говорить, мы ведь ждём прибавления в семействе, – сказала Инес, покрываясь румянцем.

– Прибавление в семействе... Гм... Надеюсь, это зайчата, а не любопытные колючие зануды.

– Конечно, маленькие зайчата – с ушками на макушке и куцыми хвостиками!

И вязальная спица Инес из клюквенной веточки начала двигаться ещё быстрее.

– Приятно думать о том, как в нашей клетке будут копошиться маленькие существа, которым я буду рассказывать о своих приключениях с анакондами и крокодилами, – бормотал вполголоса Альберт. – Но вот Феликс может заразить малышей своим занудством. И если только представить, что десять зайчат будут задавать мне такие же глупые вопросы, как этот колючий ёж, то я, наверное, скоро поседею.

– Дорогой, да ведь ты с рождения седой, – мягко заметила Инес, которая всё же прислушивалась к бормотанию своего мужа.

Но Альберт зайчиху не слушал, ему куда интереснее были свои собственные мысли.

– Если все зайчата захотят узнать, где находится Таллинн и что означает тот или иной куплет песни, мне придётся дни напролёт молотить языком, даже поесть не успею. И тогда я умру от голода, а ты, Инес, станешь молодой вдовой...

И Альберт так разбередил свою душу, что от жалости к самому себе у него затряслись усы. Зайчихе стало его жалко. Она отложила вязание и, погладив мужа по спине, произнесла:

– Не тревожься, Альберт, всё будет хорошо.

– Нет, я чувствую, этот ежонок доставит нам хлопот. Корми его, пои, защищай от анаконд, а он научит твоих детей ругаться, корчить страшные рожи, слоняться без дела и лаяться со взрослыми...

Инес задумалась.

– Погоди, Альберт, Феликс не умеет лаять, он ведь не собака. И я не слышала, чтобы он ругался или корчил рожи. Конечно, он шевелит своими иголками, но делает это очень смешно.

– Разумеется, последнее слово всегда должно остаться за тобой, – рассерженно произнёс Альберт. – Сначала ты съела два с половиной самых сочных листика одуванчика с МОЕЙ стороны, теперь защищаешь этого дармоеда. Я бы хотел увидеть твоё лицо, когда в один пре-

красный день из соломы выглянут десять маленьких зайчат с причёской ёжиком и начнут спрашивать, где Невразия и как попасть на планету Земля. Что ты тогда скажешь?

– Тсс... Феликс заснул, – прервала Альберта Инес.

Но ежонок не спал. Несколько раз, открыв и закрыв глаза и убедившись в том, что никакого песочного человечка нет, Феликс начал с интересом прислушиваться к разговору приёмных родителей. От их слов ему стало грустно.

– Не беспокойтесь, – крикнул он нарочито бодрым голосом. – Я уже давно собирался повидать мир, и сегодня для этого самый подходящий момент. Ведь клетка находится в зоопарке, а зоопарк – в Таллинне, а Таллинн – в Эстонии, а Эстония – в Евразии. Так что скучно мне не будет. Спасибо за приют и всего вам хорошего!

– Куда это ты собрался на ночь глядя? – попыталась остановить Феликса зайчиха, но ежонок толкнул дверцу клетки и выкатился наружу. Инес засеменила к выходу, хотела что-то крикнуть вслед ежонку, но Альберт потянул зайчиху за хвост обратно в клетку.

– Назад, Инес, пусть он идёт своей дорогой. Не в наших силах его перевоспитать. Вот когда явится Заяц всех зайцев и мы завладеем всем миром, тогда сможем перевоспитать всех ежей на свете.

Непривычное чувство свободы

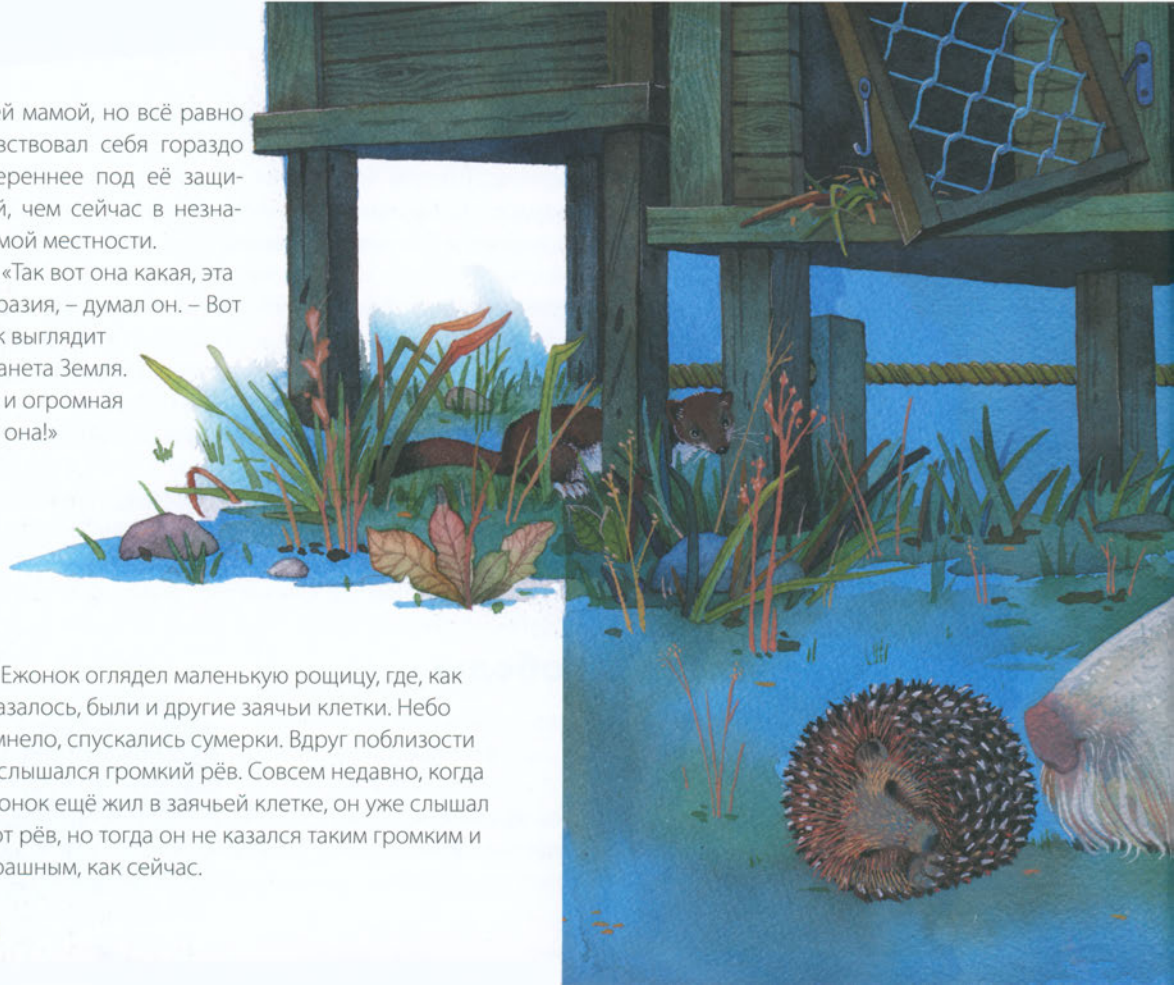
Я – как ветер в облаках,

– пытался подбодрить себя Феликс. Выкатившись из клетки на траву, он почти не ушибся. Но его нос, привыкший к тёплому воздуху неволи, почувствовал тысячи незнакомых запахов. Ёжик расчихался, а его маленькое сердечко учащённо забилося. Конечно же, Феликс знал, что зайчиха Инес не была его настоя-

щей мамой, но всё равно чувствовал себя гораздо увереннее под её защитой, чем сейчас в незнакомой местности.

«Так вот она какая, эта Евразия, – думал он. – Вот как выглядит планета Земля. Ну и огромная же она!»

Ежонок оглядел маленькую рожицу, где, как оказалось, были и другие заячьи клетки. Небо темнело, спускались сумерки. Вдруг поблизости послышался громкий рёв. Совсем недавно, когда ежонок ещё жил в заячьей клетке, он уже слышал этот рёв, но тогда он не казался таким громким и страшным, как сейчас.

– Это живая гора – слон! – пояснила тогда Инес. Теперь Феликс жалел, что не поинтересовался, опасна ли эта живая гора. Он пожал своими игольчатыми плечиками и запел:

*Я – как ветер в облаках,
С песенкою на губах.*

Но спеть до конца не получилось – ежонку помешали доносящиеся со всех сторон чихание и кашель, крик и оханье. Феликс услышал чьи-то быстрые шаги и на всякий случай свернулся в клубок.

*Я – как ветер в облаках,
И в иголках – всем на страх!*

– подбадривал он себя и выглядывал из-за поднявшихся иголок.
– Ав-ав... Чужой на моей территории! – услышал ежон. Это произнёс кто-то большой и лохматый, с таким длинным розовым языком, что тот не умещался в пасти и торчал между белыми клыками, как кусок ветчины. К счастью, Феликс вовремя свернулся в клубок и, пытаясь скрыть свой страх, стал напевать боевую песню Альберта:

*Всем лисам – каюк,
И бандам гадюк...*

– Говорящий Колючий Клубок! – закричал незнакомый зверь. – Хозяин, хозяин, здесь Говорящий Клубок!
– Фу, Пайк! – услышал Феликс чей-то строгий голос. – Оставь ежа в покое!

– А-а, так ты – ёж? – Пайк попытался понюхать ежа, но сразу же отдернул нос. – Ай! Что же ты колешься, глупый зверь? Как я могу понять, кто ты, если не понюхаю? Вот погоди, засунет тебя хозяин в клетку.

Но тот же строгий голос примирительно сказал:

– Пошли, Пайк! Пусть ёж занимается своими колючими делами.

– Похоже, у тебя нет своей собственной клетки? – спросил Пайк у Феликса. – Не бойся, я ведь не волк. Эй, говорящий шарик, ты меня слышишь? Что-то я не совсем понимаю, где у тебя хвостовая, а где – носовая часть. Есть в тебе что-то ненормальное.

– Меня зовут Феликс, – сказал ёж, но посмотреть в глаза незнакомому зверю всё же не осмелился.

– Феликс Говорящий Клубок. Красивое имя! – сказал Пайк. – Давай знакомиться. Я – Пайк, работаю в этом зоопарке сторожевой собакой. А ты, выходит, свободный зверь?

– Я свободный, как ветер в облаках... – произнёс Феликс, слегка расслабив иголки.

– Свободный – это хорошо. Эх, чего бы я только ни сделал, если бы мог свободно бегать, где хочу...

– А ЧТО бы ты сделал? – с интересом спросил ежонок.

– Я бы походил какое-то время в школу для собак, затем стал бы охотиться, а потом, возможно, сыграл бы в каком-нибудь полицейском фильме. Но сначала я всё же постарался бы узнать, что такое Большое Коварство и где его логово.

– А что это такое – Большое Коварство? – удивлённо спросил Феликс.

– Этого не знает никто, – вздохнул Пайк. – Но это тот, кто ночью, под покровом темноты, рыскает по зоопарку и обделяет свои тёмные делишки. Даже лев и слон его боятся, и даже Человек не знает, кто он и откуда появляется. Неизвестность всегда вселяет страх, особенно когда преступник так опасен и хладнокровен.

– А какие преступления совершило это Большое... – хотел было спросить Феликс, но Пайк оборвал его на полуслове:

– Мне пора идти. Хозяин ждёт. Поговорим в следующий раз.

И Пайк, махнув хвостом, побежал вслед за хозяином. А Феликс вновь остался один.

Арест Феликса

Пока Феликс решал, куда же, собственно, ему направиться, над его головой раздалось злобное карканье.

– Карр-карр, поймали!
– закричал кто-то, шурша листьями липы.

– Попалось, попало! Наконец Большое Коварство! – подхватил кто-то другой охрипшим голосом.

– Ребята, премия наша! Карр-карр-карр! – закричал третий.

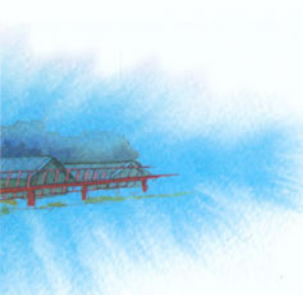
Ежонок поднял голову и увидел на дереве трёх больших чёрных птиц.

– Аррестовать! Аррестовать! Аррестовать! – кричали обладатели огромных клювов.

Феликс осмотрелся, но никого, кроме птиц, не заметил. Возможно, на

высоком дереве и пряталось какое-то Коварство, но, по крайней мере, поблизости никакого зверя (ни большого, ни маленького) видно не было.

– Вы кто? – крикнул Феликс. – И кого вы хотите арестовать?

Птицы спикировали с дерева и окружили ежонка.

– Он ещё спрашивает!.. Ты что, воррон не признаёшь? – спросила самая большая из птиц. – Когда крал яйца из наших гнёзд, пррекрасно знал, кто мы такие, а теперь забыл, как нас зовут?

– Врежь ворру! Врежь рразок! Поделом ему! – загалдели другие вороны.

– Откуда мне знать, где ваше гнездо? – От удивления Феликс сделал большие глаза, если, конечно, так можно сказать про маленькие кругленькие глазки ежонка. – Я и вправду ничего не знаю о краже яиц.

– Андррес, врежь ему! – вопили вороны поменьше. – По заслугам ворру!

Большая ворона покачала головой:

– Слушай, оборрванец, у тебя что – склерроз? Не помнишь, чьи гнёзда рразорррял? А ну, рррасправляя крылья, полетим на место прреступления, освежим тебе память.

Феликс пожал плечами:

– Боюсь, ничего из этого не выйдет, ведь у меня нет крыльев.

Вороны подобрались поближе и начали рассматривать ежонка со всех сторон.

– Да, похоже, даже намёка на крылья нет, – вынуждены были признать они.

– А как же ты тогда попадал на дерево? – спросил самый большой ворон по имени Андрес. – Мы уже несколько дней патрулируем территорию зоопарка, и ты – единственный незнакомец, попавшийся нам на глаза. Прроблема трребуется ррешения. Лучше срразу признайся, что ты и есть Большое Коваррство, которое гррабит в зоопарке...

Ежонек попытался объяснить воронам, что почти со дня своего рождения он всё время находился в

заячьей клетке и что никакого отношения к Большому Коварству он не имеет. Но птицы ему не верили.

– Отведём его к царю! – решил наконец Андрес. – Пусть лев Юлиус решает, правду говорит незнакомый зверь или нагло врёт!

Ёжик Феликс знал о Юлиусе понаслышке (то есть льва он не видел, но слышал его рык: зайцы всегда начинали дрожать, когда издалека доносилось его приглушённое рычание). И тогда в шёпоте Инес слышалось уважение:

– Это, ежонок, голос царя-льва... Он самый сильный зверь на свете!

– Да, самый сильный... Но до тех пор, пока не явится Заяц всех зайцев... – всегда чуть слышно добавлял Альберт.

И под конвоем трёх ворон ежонок засеменил к вольеру льва.

– Салям-а-лейкум, вороны! Куда путь держите? – крикнул кто-то из-за изгороди.

В сумерках Феликс увидел странное, монотонно жующее животное с двумя горбами.

– Смотрите-смотрите, госпожа Земфирра! Обнаружили какого-то странного зверя, которого раньше в наших краях не видали, – объяснил Андрес. – Ведём его к Юлиусу на расследование. Возможно, мы имеем дело с Большим Коварством.

– Ах, вот в чём дело! – воскликнула верблюдица. – Дайте я в него плюну. Если это тот мерзавец, что издевался над моим ребёнком, накажу его хорошим плевком!

Тьфу... плюх! К счастью, Феликс успел вовремя свернуться в клубок и откатиться подальше.

– Повезло тебе, – сказал Андрес ежонку. – Плевком верблюда иной раз полтора килограмма весит. А если прибавить скорость, с которой верблюд плюётся...

– Это должно быть очень злое большое существо, которое может красть вороны яйца и издеваться над верблюжонком... – задумчиво произнёс Феликс.

Андрес поглядел на него искоса и серьёзным тоном заметил:

– Держись, если Юлиус выяснит, что это существо – именно ты!

Проблемы в львином семействе

Феликс, конечно же, был смелым ежонком, и у него не было никакой причины робеть перед львом, но всё же чем сильнее становился львиный запах, тем громче билось его маленькое отважное сердце. Приблизившись к клетке царя джунглей, Феликс увидел нервно ходившего взад и вперёд льва с недовольным выражением, скажем так, лица.

– Сегодня не день приёма, – рыкнул лев, даже не посмотрев на посетителей.

– У львов, наверное, семейная ссора, – тихо прохрипел Андрес.

Действительно, львица Юлия лежала в дальнем углу вольера, обхватив лапами свои уши. Рядом с ней барахтался маленький львёнок и всё время хныкал.

– Сделай же что-нибудь, ведь ты – царь зверей! – кричала львица Юлиусу. – Помоги нашему малышу!

– Если даже доктор Вамбола не может помочь, что я могу сделать? – сердито посмотрел на жену лев.

Теперь ежонок заметил в клетке ещё кое-кого. Это была сова с взъерошенными перьями и очками на самом кончике кривого клюва.

– У-ух, смею напомнить, что я – доктор философии, а не медицины. – И сова с учёным видом расправила крылья. – И позволю себе ещё раз подчеркнуть: нельзя сделать то, что сделать невозможно!

– Ах, не морочь мне голову! – И лев со злостью топнул лапой. – Если ребёнок говорит, что у него болит зуб, значит, так и есть. Используй все свои учёные степени, чтобы у него ничего не болело.

– Как могут болеть зубы, если у него в пасти нет ни одного, у-ух? – развела крыльями сова.

– А может, у львёнка зубы как раз и прорезаются? – вмешался Феликс. – Я слышал, что это причиняет страшную боль.

– Вот видишь?! – закричал лев Юлиус. – Любой оборванец знает больше тебя, доктор Вамбола. Я смутно припоминаю, что в моём щенячьем возрасте было нечто подобное...

Львица поднялась и подошла к прутьям вольера.

– Добрый путник, может быть, ты сможешь помочь нашему малышу? – умоляюще обратилась она к ежонку.

– Это никакой не путник. Мы подозреваем, что имеем дело с Большим Коварством, – поспешил вмешаться в разговор Андрес.

– Мы привели его сюда, чтобы царрь свершил над ним свой справедливый суд!

– Я уже сказал, что сегодня не приёмный день! – рявкнул Юлиус, и теперь его рык был по-настоящему страшен.

– Если я правильно понимаю, мой визит окончен, – быстро произнесла сова и взлетела. – У-ух, всего хорошего!

Андрес был, как говорится, не робкого десятка. Он помолчал, поразмыслил и произнёс:

– Если уж быть честным, я и сам засомневался в том, что этот маленький зверрёк может навредить веррблюжонку. В его пользу говоррит и то, что у него нет крыльев. А значит, забраться на дерево, чтобы рразоррить гнездо, он бы не смог. Но мы подумали, что на всякий случай надо прроверить незнакомца.

– Подойди сюда, путник! – рявкнул Юлиус ежонку. – Если твоя совесть чиста, тебе нечего бояться.

Ёжик пригладил свои колючки и пролез сквозь прутья в вольер.

– А я и не боюсь, – произнёс он.

– Покажи свои когти и клыки! – приказал Юлиус. Он внимательно осмотрел Феликса, а потом обратился к ворону.

– Слушай, Андрес, ты точно простофиля. Разве можно такими зубками прокусить толстую шерсть верблюда, а с такими маленькими короткими лапками забраться на дерево? Марш, вороны, в своё гнездо!

Называете себя мудрыми птицами, а сами не знаете, что за звери водятся в родных краях. Даже ежу понятно, что это не Большое Коварство, а всего-навсего маленький ежонок. Где вы видели летучих ежей? Во сне, наверное.

Юлиус рывкнул вслед поднявшимся в воздух воронам и обратился к Феликсу уже более миролюбиво:

– А к тебе у меня совсем иной разговор. Мне кажется, ты можешь помочь нашему сынишке.

Феликс и львёнок Пауль

Ежонок усиленно пытался вспомнить, что рассказывала ему приёмная мама Инес о питании зверей. Инес как любознательная зайчиха за свою долгую жизнь научилась многому. Она знала, что большинство зверей, как и зайцы, едят только траву, ягоды и фрукты. Но некоторые звери с таким питанием смириться не могут. Они едят мясо, а потому охотятся на зайцев, косуль и других травоядных. Для этих плотоядных есть страшное название: хищники. И они-то точно знают толк в охоте.

Ежей зайчиха Инес относила к насекомоядным, и, положив лапу на сердце, Феликс вынужден был признать, что запутавшийся в сене кузнечик или гусеничка казались ему более аппетитным лакомством, чем, например, морковка, при виде которой зайцы прыгали от радости.

Ежонку было приятно, что Инес не называла его сородичей грозным словом «хищники», ведь, согласитесь, слово «насекомоядные» звучит намного мягче!

Но в чём Феликс был уверен точно, так это в том, что Инес относила львов, вместе с тиграми, пантерами и волками, к хищникам. А вот едят ли хищники всех животных, включая ежей, Инес Феликсу не сказала.

Взяв себя в лапы, Феликс прямо спросил Юлиуса:

– Извини, если мой вопрос покажется тебе глупым, но я хотел бы знать, едят ли львы ежей.

Юлиус разразился смехом:

– А я, в свою очередь, хотел бы знать, как можно съесть колючего ежа. Пожалуй, с этим могли бы справиться только шпагоглотатели. Один мой дальний родственник когда-то работал в цирке и рассказывал мне, что на арене иногда выступают люди, которые засовывают себе в горло метровые острые шпаги! Возможно, в некоторых цирках и работают глотатели ежей, но львов среди них точно нет! Вот от людей можно ожидать чего угодно. Они, как я слышал, готовы из кожи вон лезть, только чтобы их заметили! Но нам, львам, не надо оригинальничать, чтобы обратить на себя внимание.

Притихший было маленький львёнок снова начал жалобно скулить.

– Слушай, папаша, – сердито сказала львица, – ты слишком много болтаешь. Подумай о больном ребёнке! У Пауля уже мордочка осунулась, синяки под глазами.

– Да-да, – спохватился лев, искоса поглядев на львицу и скулящего львёнка, – нашему малышу сейчас не до этого прекрасного сочного филе, на которое мы уже целый день облизываемся. Должен заметить, что если бы не иголки, ты был бы очень похож на бывшую няню нашего сына, крота Гомера. (Он получил это имя потому, что был так же слеп, как поэт, который жил когда-то в Древней Греции.) Думаю, ты смог бы поднять настроение Паулю, как это делал запропащившийся куда-то Гомер. Пока крот убаюкивал нашего сыночка своими древними историями, у нас не было никаких хлопот.

– Однажды, когда у Пауля болел живот, мы даже смогли заставить его принять горькую полынь, – добавила львица. – Малыш отказывался от лекарства, но когда крот Гомер стал рассказывать ему о Тарзане, Пауль от удивления так раскрыл пасть, что мы без труда влили в него пол-литра полынных капель – проглотил, даже не заметив.

– Мне кажется, юноша, если изменить твою причёску, ты будешь очень похож на крота Гомера, – произнёс лев Юлиус. – Может быть, ты попробуешь хоть немного развеселить Пауля?

– Вообще-то мне, конечно, нравится сочинять песенки, – задумчиво произнёс Феликс, – но рассказывать про Тарзанов я не умею, ведь я даже не знаю, кто они такие, эти Тарзаны, как они выглядят и что это вообще за звери – травоядные или хищники.

Юлиус и Юлия расхохотались.

– Ха-ха-ха, – не унимался лев. – Тарзан вообще-то был человеком, умелым и почти таким же смыслёным, как хищники. О нём даже книги написаны. Вамбола их читал. Но от тебя, такого юного, мы и не ждём приключенческих романов или исторических баллад. Ты можешь рассказывать Паулю какие-нибудь истории о животных, где есть что-то поучительное.

– А песенки можно петь?

– Если у тебя не слишком противный голос, думаю, можно, – ответил Юлиус.

Ежонок откашлялся, прочистил горлышко и затынул:

*Отважным – ура!
Настанет пора,
И станет Земля, как большая нора!*

– Стоп! – рявкнул лев. – Это что ещё за глупость?

– Это боевая песня зайцев, – пояснил ежонок.

Юлиус расхохотался.

– ЗАЯЧЬЯ боевая песня! Это звучит так же, как если бы на обеденном столе у людей колбаса запела военные марши! Ха-ха-ха. Чтобы Земля да стала заячьей норой?! От такой глупости детей надо оберегать. Придумай что-нибудь поумнее.

Ежонок сочиняет песню для львёнка

Ёжик понял, что это гораздо серьезнее, чем быть пленником ворон. В львином вольере хвастливые песни Альберта были неуместны – надо было придумать что-то новое. И он уныло затыкнул:

*Зубик рос у львёнка в пасти
Еле-еле-еле.
Только беды и напасти
Зубик одолели.
Он в десне своей скрывался
Ото всех подале.*

*Мир вокруг ему казался
Родиной печали.*

Ёжик посмотрел на львёнка и заметил, что тот внимательно прислушивается и больше не скулит. Это подбодрило Феликса, и он продолжил:

*Жил в дёсне, как в тесном доме,
Зубик-горемыка,
Ничего не слыша, кроме
Рёва или рыка.
До того он их боялся –
Рыка или рёва,
Что всё глубже забивался
И пугался снова.*

Львёнок слушал, затаив дыхание. Феликс подумал ещё чуть-чуть и запел:

*Но однажды надоели
Зубу эти «ахи» –
Очень грустно, в самом деле,
Жить всё время в страхе.
Как же львёнку не смеяться?
Кончились напасти –
Перестал его бояться
Храбрый зубик в пасти!*

Пауль тихо засмеялся. Потом засунул лапу в пасть, пошарил там и радостно закричал:

– Мой зуб и вплавду вышел из десны, и тепель у меня есть настоящий клык, котолый слашно делает: «Клякс!»

Конечно, он хотел сказать «крякс», но попробуй сказать «крякс», когда ты совсем ещё маленький львёнок и у тебя всего один зуб.

Ёжик широко улыбнулся – похоже, его песенка, как говорится, попала в точку. Теперь его сочинению надо было приделать красивый финал.

*Из десны наружу вышел,
Словно из пелёнок,
И никто уже не слышал,
Чтобы плакал львёнок.
Удержи его от смеха,
Если рядом звонко
«Ля-ля-ля!» – запело эхо,
Подпевая львёнку!*

«Ля-ля-ля», – продолжал лялякать ежонок, потому что все слова уже кончились. Но Паулю очень понравилось это ляляканье. Подняв голову, львёнок подпевал ежонку: «ля-ля-ля...» И у него это здорово получалось, ведь там нет такой трудной буквы «р».

В конце песни львица Юлия захлопала в лапы, а Юлиус рывкнул:

– Бррраво, ежонок! Твоя судьба решена: будешь придворным певцом!

– Ула! – закричал Пауль. – Мои зубы больше не будут болеть, потому что ёжик останется с нами!

– Я надеюсь, что ёжик научит тебя произносить букву «р», – добавила львица.

– Благодарю, – вежливо произнёс Феликс. – Это большая честь для меня! Только вот... мне кажется, что для такой должности я слишком молод. Я ведь ещё не повидал мир, да и о зверях мало знаю, чтобы сочинять

о них песни. Пообещайте, что я смогу свободно гулять по зоопарку и как только увижу что-то интересное и поучительное, сразу вернусь и спою какую-нибудь песенку.

– Это очень грустно, что ты не можешь остаться с нами, – опечалился Пауль. – Хочешь, я отдам тебе этот кусок мяса – такой вкусный ароматный кусочек! Я хотел засунуть его за щёку, но если ты останешься с нами, я его с ладостью тебе отдам.

Ёжик отрицательно покачал головой.

– Невероятно! – всплеснула лапами львица. – Должности придворного певца добивались и павлины, и барсуки, и даже кабан предложил свою кандидатуру. Как же ты, маленький колючий колобок, смеешь отказывать царю зверей?!

– Да бог с ним! – произнёс лев, зевая. – Потом всё обсудим – сегодняшний день был таким длинным и утомительным. Пауль не дал спокойно отдохнуть и забыться послеобеденным сном.

– В таком случае доброго тебе пути, колючий колобок! – Львица тоже решила немного подремать.

Не успел Феликс протиснуться сквозь прутья вольера, как за его спиной раздались такие мощные храп и урчание, будто заснули по меньшей мере сто львов.

Ночная прогулка

Ошибается тот, кто думает, что когда все люди сладко спят в своих домах, обитатели зоопарка тоже погружаются в сон. По правде говоря, самыми важными своими делами большинство зверей занимаются именно ночью. То там, то сям раздаются различные звуки: оханье и уханье, рычание и кряхтение. Львиная семья по ночам тоже не спит. Однако на этот раз львы так устали от долгого хныканья Пауля, что сладкий сон сморил их сразу, как только стемнело.

Феликс считал, что ночная прогулка – это здорово. Что-то подсказывало ему, что его предки любили гулять именно тёплыми летними ночами: охотиться, сортировать пищевые отходы на мусорных свалках и даже заглядывать в миски сторожевых собак. В придорожной траве ежонок нашёл парочку аппетитных жучков, а под кустом – много вкусной всякой всячины: червячков и улиток.

Влажный носик Феликса чуял странные запахи зоопарка, и его сердце радостно стучало. Когда он покидал дом приёмных родителей, ему было только грустно – он чувствовал себя растерянным в этом большом незнакомом мире. Теперь же грусть медленно покидала его, а страх и вовсе исчез.

Подумать только, ему, маленькому ежонку, сам лев предложил такую почётную должность! Такое не с каждым случается. Когда-нибудь он расскажет об этом своему приёмному отцу: пусть знает, что Феликс – не зануда и не дармоед, а почти (если можно так

сказать) свой человек в вольере Юлиуса. Кто знает, может, когда-нибудь он и станет придворным певцом. Но сначала ёжик все же хотел насладиться свободой.

– Эй, ты! – вдруг услышал он чей-то хриплый окрик. Большое, чёрное, волосатое животное таращилось на Феликса из своего вольера. По сравнению с мощным торсом, его ноги казались короткими и тонкими, а там, где у нормального зверя должен быть нос, у этого была какая-то большая пуговица с двумя дырками.

– Доброй ночи! – вежливо произнёс Феликс. – Я – ёж Феликс, а как зовут вас, к сожалению, не имею чести знать.

– Хм... У тебя нет чести? А куда же ты её дел? – засмеялся волосатый зверь.

– До свидания, – произнёс Феликс. Трудно найти общий язык с тем, кто не желает представиться.

– Постой, ты куда? – закричал незнакомец. Он завозился, что-то искал и просунул нос между прутьев.

– Вот, накопал тебе парочку желудей.

Ёжик увидел на земле два подгнивших желудя, которые вовсе не выглядели аппетитными.

– Спасибо, я сыт.

– Бери, бери, когда дают, в наши дни даром ничего не получишь, – произнёс незнакомец. – А мне нужна информация. Ты тут шляешься без присмотра, может, знаешь, как обстоят дела с этим Большим Коварством? Сделало оно что-то страшное в последнее время?

– Слышал, что оно укусило верблюжонка за шею и украло яйца из вороньего гнезда.

– Вот-вот, о чём я и толкую. Вчера утки кричали, что оно уже добралось до верблюдов. Но со мной никто ничего не обсуждает, будто кабаны – и не звери вовсе. Живу, как в дремучем лесу. Никому и в голову не приходит, что скоро лев и до моих семерых поросят доберётся.

– Так ты думаешь, что лев и есть Большое Коварство? – удивился Феликс.

– А кто же ещё? На верблюда мышья лапу не поднимет. Это должен быть большой и сильный зверь.

Кабаниха пошевелила ушами: в дальнем углу вольера послышалось что-то похожее на хрюканье.

– Он подбирается к моим малышам! – встревожилась кабаниха и помчалась туда, откуда доносились звуки. Ёжик протиснулся сквозь прутья и засеменил туда же.

В дальнем углу что-то происходило. Феликс увидел маленьких коричневых поросят с белыми полосками на спинках, которые бегали взад и вперёд, отчаянно визжа и сбивая друг друга с ног.

– Мама Матильда, помоги!.. – пищали поросята.

Кабаниха, подталкивая рылом поросят, сгребла их в кучу и закричала:

– Спокойствие и тишина! Всё в порядке! Я с вами!

Заметив рядом ежа, она подтолкнула одного поросёнка к Феликсу, и ежонок увидел, что его маленькое коричневое ушко поранено.

– Я же говорила! – причитала кабаниха. – Напал, напал, гад, на моих поросят. Порвал ухо моей бедной Розали и Матса за ногу укусил. Ну что это за жизнь?! Никакой уверенности в завтрашнем дне!

– Как же выглядит это Большое Коварство? – спросил Феликс. – Ведь кто-то же должен был его видеть.

– Оно о-очень большое! – закричал один поросёнок.

– И о-очень коварное! – завопил другой.

– Страшное, ой, какое страшное и красное! – подхватил третий.

– А вот и не красное, а синее! – вязался четвёртый.

– Синих зверей вроде не существует, – заметил ежонок.

– Не знаем, существуют они или нет, но мы проснулись оттого, что заверещала Розали, – вмешался в разговор самый маленький поросёнок по имени Матс. – Я хотел прийти ей на помощь, но тут у меня та-ак нога заболела, что аж в глазах темно стало. На самом деле я это Большое Коварство так и не увидел.

– Я тоже не видела, – призналась Розали. – Просто почувствовала, как заболело ухо.

– Так это было невидимое животное! – сделал вывод Феликс.

– О, ужас! – причитала кабаниха. – Как страшно жить! Ты, ёжик, иди и скажи Юлиусу, если он не прекратит эти безобразия, мы лишим его должности царя зверей и назначим кого-то другого.

– Львы сейчас спят, – произнёс Феликс.

– Ну, вот видишь, что это за порядки! Царь спит, а его подданных кусают! – причитала кабаниха. – Мой муж раньше очень уважал льва, даже сочинил для него песенку в честь его рождения:

*Мы гимн поём царю:
Хрю-хрю, хрю-хрю, хрю-хрю!*

– Эти восторженные слова придётся, наверное, взять обратно, – не унималась кабаниха. – Завтра лев должен выяснить личность преступника, иначе не быть ему больше царём. Так и передай эти слова льву!

И кабаниха, повернувшись спиной к ёжику, принялась укладывать своих поросят спать и даже не ответила на прощание ежонка. Протиснувшись сквозь ограду, Феликс почувствовал запах мяса, причём довольно несвежего. Оглядевшись, он увидел лежащий на траве кусок мяса и с удивлением обнаружил, что это тот самый кусок, который ему с такой щедростью предлагал львёнок Пауль.

«История становится всё загадочнее!» – подумал Феликс.

Расследование

Ёжик Феликс сидел под окном сторожевого домика и, что называется, ломал свою колючую голову. Зайчиха Инес, к которой он обратился за помощью, посоветовала ему поговорить с псом Пайком. Инес, конечно же, не жаловала собак, но все звери были уверены, что собака знает обо всём, что происходит в зоопарке, ведь она свободна, не то, что они – звери, сидящие в клетках. Чтобы схватить за хвост Большое Коварство, надо было нарезать круги по всему зоопарку и уметь «читать» разные следы.

Феликс засеменял к домику зрителя. Дверь была заперта, видимо, Пайк и его хозяин спали. Залезть в открытое окно ежонок, конечно, не смог – оно находилось слишком высоко.

Тут Феликс припомнил рассказ Инес о молодых псах, распевających под окнами своих возлюбленных сентиментальные песни, которые они называли серенадами. Может, привлечь внимание Пайка одной из таких песенок? Он тут же сочинил песню и попытался придать своему голосу как можно больше страсти:

*Тебе снится куриная ножка?
Иль колбаску ты видишь во сне?
Но проснись, погляди из окошка,
Может, всё-таки, выйдешь ко мне...*

*Где-то рыщет Большое Коварство,
Мы отыщем его – так и знай:
Есть у нас от бандитов лекарство –
Нюх твой чуткий и яростный лай!*

Высунувшаяся из окна голова скорее всего была не собачья. Она походила на голову зрителя, какой впоследствии и оказалась.

– Что там за шум и пыхтенье? – удивленно спросил зритель. – Может, ветер играет пустым пластиковым пакетом? Или из пробитой автомобильной шины воздух выходит? А, это наш старый приятель ёжик! Погоди, я дам тебе молочка.

Феликс немного расстроился из-за того, что его прекрасный вокал сравнили с трепыханием пакета на ветру и со свистом выходящего из шины воздуха. Но против молока он не возражал. Тут как раз из дома вышел Пайк.

– Интересно, что за вредную работу ты выполняешь, если тебе бесплатное молоко дают? – пробурчал Пайк. Перед тем как его разбудил голос хозяина, он видел во сне, как гоняет по лесу зайца. Получилось, что из-за ёжика самая захватывающая охота в жизни Пайка была прервана на самом интересном месте.

– Я поймаю Большое Коварство! – заявил Феликс. – Но мне нужна твоя помощь. Тебе, Пайк, придётся стать детективом.

– Как в фильме о полицейской собаке? Или по-настоящему? – засверкал глазами Пайк.

– Конечно, по-настоящему! Если Большое Коварство существует, значит, и поимка его будет настоящей.

Сон Пайка как рукой сняло. После недолгих разговоров приятели решили привлечь к делу также умную и начитанную сову Вамболу. Ведь всем известно, что очки носят только умники!

Сова сразу согласилась поделиться своими обширными знаниями. Хотя и читала она книги одним вооружённым глазом – в очках было только одно стекло, другое разбил неизвестный преступник.

– Сомневаюсь, что битьё стёкол – тоже дело лап или копыт Большого Коварства, – задумчиво произнесла сова. – У меня вроде и врагов нет.

– Врагов не было и у безобидных уток, и у павлинов, и у верблюжонка, – заметил Пайк. – Вот насчёт Андруса я не уверен. Вечно он суёт свой длинный клюв куда попало. Да и у кабана длинный язык. Немудрено, что они могли нажать себе врагов.

– У-ух... На львиную семью Большое Коварство почему-то не нападало, но всё же кража и у них была совершена, – напомнила сова. – Ты очень умно сделал, Феликс, что нашёл улику.

Феликс и впрямь подобрал тот самый кусочек мяса, который теперь распространял не слишком приятный запах. Но для Пайка это был волшебный аромат, как для дам – аромат изысканных духов. Время от времени пёс принюхивался и от восторга поднимал глаза к небу.

– Самое странное в этом деле то, что никто не может сказать, как, собственно, выглядит это Большое Коварство, – задумчиво произнёс Феликс.

– А кто-нибудь изучал следы на местах преступлений? – спросила сова и сама же ответила на свой вопрос, отрицательно покачав головой. – Да, так я и думала: все настолько перепуганы, что такие «мелочи» никому не пришли в голову. Да я и сама не заметила никаких следов, когда обнаружила разбитые очки. Правда, запах у них был какой-то странный. Ну, давайте посмотрим на улику. Ой, а где же она? Что-то я плохо стала видеть в этих очках с дефектом.

– Её нет! Улика пропала! – изумлённо воскликнул Феликс. – Это проделки Большого Коварства! Значит, оно может становиться невидимым!

– Собирайте скорее всех зверей! – закричала сова. – У-ух, окружим местность, и Коварство не выскользнет из наших лап. Пайк, действуй!

Но Пайк замер на месте, стыдливо опустив голову.

– Ты что, заснул? – спросил Феликс.

– Дело в том... – пробормотал Пайк, не глядя на окружающих, – произошла просто невероятная история. Я нюхал-нюхал этот кусок мяса да и вынюхал его весь до конца. А сейчас он у меня где-то тут... – И Пайк неопределённо показал лапой на свой живот.

– У-ух, ты съел улику! – рассердилась сова и нахохлилась. – В таких условиях проводить расследование невозможно!

Ежонок помолчал, а потом произнёс:

– Какие у нас есть предположения?

Сова бросила на него хмурый взгляд:

– Какие ещё предположения?.. Предполагать мы можем всё, что угодно. Преступником может быть даже Пайк. Как мы уже убедились, он не может себя контролировать и хватает всё подряд.

– Я случайно... Честное слово! Я даже не заметил, как кусок мяса попал мне в живот... – извиняющимся тоном произнёс Пайк. – Простите меня, пожалуйста!

– Ну, ладно, ладно... – смягчилась сова. – Но, принимая во внимание обстоятельства, мы имеем дело либо с очень маленьким, либо с невероятно большим преступником. Например, с таким, у которого одна нога – как ствол дерева.

– Ты имеешь в виду слона Акселя? – сделал большие глаза Пайк. – Ну, уж он-то точно не стал бы лезть на дерево за вороньими яйцами.

– У-ух, он не стал бы лезть. Он поднял бы свой хобот и достал всё, что угодно, – возразила сова.

– С другой стороны, у слона большие бивни, поэтому оставить такие маленькие следы на шее верблюжонка он не мог. К тому же слон Аксель – чрезвычайно миролюбивое животное. Следовательно, в кругу подозреваемых остаются не очень большие животные, так как все мы понимаем, что невидимых зверей не бывает. Конечно, некоторых

из них нельзя даже рассмотреть невооружённым глазом, но хорошие очки, увеличительное стекло или микроскоп помогут их обнаружить.

– Но у нас нет ни одного, ни другого, ни третьего, – разочарованно протянул Феликс.

– Я знаю, это – клещ! Он очень маленький и очень кровожадный! – закричал Пайк.

Вамбола понимающе кивнула:

– У-ух, клещи и впрямь противные. Но их зло состоит в том, что они распространяют болезнь энц. энце... Ну, в общем, название этой болезни напоминает слово «энциклопедия». В данном случае это к делу не относится, потому что маленький клещ не может утащить кусок мяса из львиного вольера и украсть яйца из вороньего гнезда.

– Это правда, – согласился с ней Пайк.

– Не остаётся ничего другого, как обойти весь зоопарк и взять на заметку всех подозрительных, – предложил Феликс.

– А можно сделать иначе, – сказала сова. – Можно вместе с Юлиусом просмотреть список обитателей зоопарка.

– Так и сделаем! – одновременно закричали Феликс и Пайк.

Феликс выполняет спецзадание

Но и лев не сидел, сложа лапы. После пробуждения в его грозной голове прояснилось, и он к плану Вамболы, Пайка и Феликса добавил своё предложение:

– Надо собрать конференцию и выслушать мнения всех зверей – и больших, и маленьких. Перед совещанием будет полезно изучить список обитателей зоопарка. Я в силу своей величины могу случайно про-

глядеть какую-нибудь мелочь вроде какой-то букашки. Вы, Вамбола и Пайк, должны внимательно следить за поведением зверей на собрании, кто-нибудь может себя невольно выдать.

– А мне что делать? – спросил Феликс.

– Для тебя у меня специальное задание. Тебе надо придумать и организовать развлекательную часть мероприятия. Ведь ты очень быстро сочиняешь песенки. Вот и придумай что-нибудь интересное о зверях, – сказал лев Юлиус.

– А можно и мне спеть песенку про зуб? – встрял в разговор львёнок Пауль и похвастался: – У меня ещё один зуб вылез, и скоро у меня будет целый заборчик из зубов.

– Если ежу в голову ничего больше не придёт, можно спеть и эту песенку, – согласился лев.

Сова огласила весь список обитателей зоопарка, и хотя Феликс не был лично знаком со многими зверями, вдохновение не покинуло его, и он быстро сочинил новые песенки. Вспомнив верблюдицу Земфиру, он придумал вот что:

*Это мне не чудится?
Это ты, верблюдица?
Она, конечно, умница,
Но загляделся – плюнется!*

Льву и его дальним родственникам Феликс посвятил такие строки:

*Лев, хотя и царь зверей,
Правит, не зверя:
Он, конечно, всех сильнее,
Но и всех мудрее.
Нам известен львиный род –*

*Вспомним для примера:
Это рысь и тигр, и кот,
Пума и пантера.*

*Не боится он жары,
Не боится холода.
А когда рычит он: Ррры! –
То рычит от голода.*

Конечно же, Феликс не забыл и своих приёмных родителей. Им он тоже написал небольшую песенку:

*Зайчиха Инес – героиня,
Она вскормила сто зайчат.
Отец не помнит их по имени,
Но всем зайчатам очень рад!*

Довольно быстро пришла в голову ёжика и песенка про северного оленя, чьими ветвистыми рогами Феликс восхищался и в глубине души даже завидовал:

*Забрёл олень однажды в лес
И в куст густой случайно влез.
Теперь он бродит по траве
С большим кустом на голове.*

О внешнем виде незнакомых зверей Феликс расспрашивал у их друзей и родственников. Не скупился на характеристики и лев Юлиус. О бородавочнике Феликс ничего не знал, поэтому стихи сочинил без особой фантазии:

*Не заглянуть ли в справочник?
Он – кто? Он – бородавочник!*

Для слона Акселя ежонок сочинил такую песню:

*Поглядите: это – слон.
Весит он немало тонн.
Бивни у него и хобот,
А еще – немалый опыт.
Всех добрей огромный слон –
Не обидит мухи он!*

Смешное животное по имени броненосец тоже получило свою песенку:

*У броненосца грозный вид,
Поскольку он бронёй покрыт,
Да, настоящею бронёй, –
И он единственный такой!*

Про грызунов никто не мог сказать ничего особенного, поэтому стишки получились скромные.

*Сколько крыс и мышек! Поглядишь –
То ли это крыса, то ли мышь...*

Горностая, с которым Феликс пока не встречался, Юлиус назвал маленьким скрытным зверьком. И тут уж ёжику пришлось пофантазировать:

*Бедную муху поймал горноста́й –
Жертву свою, горноста́й, отпущай!
Если ты слабыми будешь кормиться,
Шкурою можешь своей поплатиться!*

К вечеру ёжик зарифмовал весь зоопарк. Он немного беспокоился, поскольку такое обилие поэзии в его маленькой головке не умещалось и строчки из разных песенок путались. Беда в том, что Феликс, как вы сами понимаете, не умел ни читать, ни писать.

Сова могла бы научить его грамоте, но для этого, как считала умная птица, потребовалось бы не меньше трёх месяцев. А времени не было.

Оставалось дожидаться, когда зоопарк опустеет – посетители и служащие разойдутся по домам, а смотритель пойдёт спать.

Большой сбор

Такие собрания были важным событием в жизни обитателей зоопарка, поэтому звери тщательно к ним готовились. Все конечности – лапы, когти, копыта, ноги – чисто-начисто мылись. Мордочки своих детёнышей мамы старательно вылизывали, а перья и шерсть – расчёсывали. Каждый хотел, чтобы его семейство производило самое приятное впечатление, так как большой сбор был единственным мероприятием, где могли собраться все вместе – и хищники, и травоядные, и пресмыкающиеся – без опасения для своей жизни и жизни своих детёнышей.

Ни один человек, даже самый большой друг животных, не мог себе представить, что происходит в зоопарке в момент открытия большого сбора. А происходит следующее: Пайк открывает вольер льва Юлиуса, затем они вместе идут от клетки к клетке, от вольера к вольеру, отодвигая засовы и откидывая крючки. И вот наконец на полянке между большими деревьями собираются все звери, животные и птицы одной большой семьёй.

Обычно большой сбор проходил раз в год – в рождественскую субботу, и все звери видели друг друга только в зимних пушистых шубах, которые выглядели гораздо шикарнее, чем скромная летняя одежда. Сегодня летние оранжевые комбинезоны белок были, конечно, ярче их зимних серых шубеек, только зимние роскошные хвосты выглядели сейчас куцыми. Зайчики сменили свои тёплые белоснежные маскировочные шубы на скромную серо-коричневую рабочую одежду.

А маленькие птички, чьё пёстрое оперение не меняется ни зимой, ни летом, чувствовали себя вполне комфортно.

Даже лев Юлиус, который обычно не слишком следил за своим внешним видом, дал львице пригладить свою гриву и выглядел, как популярный бард. Но его голос был не очень мелодичным и больше напоминал громовые раскаты, чем песни.

– Дорогие звери, животные и птицы! Благодарю всех за то, что пришли. Хочу задать один жизненно важный вопрос: все хорошенько поели перед приходом сюда, как того требуют наши правила?

– Поели! Как следует поели! Брюхо полное! Только что из-за стола! – раздались возгласы отовсюду.

– Отлично! – сказал Юлиус. – Я на это и надеялся. С удовольствием сообщил бы вам какую-нибудь хорошую новость, как это бывает в рождественский вечер, но, к сожалению, нам придётся заняться чрезвычайно серьёзным и неприятным делом. Дорогие друзья! В наши ряды проникло какое-то подлое существо, которое мы называем Большим Коварством...

Собравшиеся зашумели, запищали, зачирикали, заурчали и зарычали. Поднялся такой шум, будто десять больших симфонических оркестров стали разом настраивать инструменты. Вдруг сквозь шум донёсся чей-то голос:

– Долой льва!..

– А ну, тихо! – загремел лев.

– Это кто кричал? Кто кричал «Долой льва»? – шёпотом спросил Пайк Вамболу.

– Не успела заметить.

– Долой беззубого льва! Требуем нового царя! – вновь раздался тот же голос.

– Заяц! – воскликнула сова. – Это же кричит заяц Альберт!

– Приёмный отец Феликса?!

– не верил своим ушам Пайк.

– Это невозможно!

Феликс тоже не поверил своим глазам и ушам. Но он точно видел и слышал, что смены царя требовал именно заяц Альберт, у которого от возбуждения дрожали усы и который о чём-то перешёптывался с сидящим рядом серо-коричневым зверьком. Инес, расположившаяся с другого боку, пыталась закрыть рот мужа лапой. Но Альберт продолжал вопить:

– Сколько ещё будет продолжаться этот беспорядок? Долой хищников! Всю власть – зайцам!

Лев Юлиус бросил на зайца такой взгляд, который заставил бы любого засомневаться в том, поел ли сам Юлиус перед собранием.

– А кого бы ты хотел видеть царём? – спросил у Альберта лев, еле держа себя в лапах.

– Да хоть себя! – крикнул Альберт, который выглядел так, будто помешался.

Все звери расхохотались.

«Альберт сошёл с ума!» – с тревогой подумал Феликс.

– А моим советником назначить горностаю Кикилемба, – продолжал Альберт, – он и думает, и действует быстро. Не то что некоторые...

– Того самого, которого Юлиус назвал маленьким скрытным зверьком? – удивился ёж. – Наверное, тот, с кем шепчется Альберт, и есть горностаю Кикилемб...

– Может, ещё козла поставим сторожить огород с капустой? – закричала туркменская козочка Вавочка.

Юлиус с трудом заставил себя успокоиться и поднял лапу.

– Друзья! Мы собрались, чтобы обсудить дело, связанное с Большим Коварством, но если вы хотите, мы можем включить в повестку дня выборы нового царя. А чтобы все звери могли подумать над предложением Альберта, мы сделаем маленькую музыкальную паузу: кузнечик Юул будет играть на скрипке, а дятел Бертольд – стучать в барабаны. Но сначала дадим слово ёжику Феликсу, который сочинил о зверях красивые песенки.

От такого огромного количества обитателей зоопарка, собравшихся в одном месте, у ежонка закружилась голова. Он обвёл взглядом публику, стараясь найти поддержку. А в это время Альберт, заметив Феликса рядом со львом, с удивлением смотрел на приёмного сына и совсем не обращал внимания на то, что тихо шептал ему на ухо Кикилемб.

Феликс откашлялся и поприветствовал собравшихся:

– Дорогие друзья! Я думаю, что в интересах каждого из нас – поймать Большое Коварство. Именно для этого лев Юлиус и созвал звериный люд. Желание зайца стать царём зверей мы, конечно, обсудим. Но мне хотелось бы начать с персоны, которую заяц предлагает в свои советники. К сожалению, не имел чести с ней познакомиться, а стихи я сочинил такие:

*Бедную муху поймал горноста́й.
Жертву свою, горноста́й, отпускай!
Если ты слабыми будешь кормиться,
Шкурою можешь своей...*

Феликс не успел закончить, как вдруг кто-то молнией метнулся к нему и вцепился в нос своими острыми зубами.

– Только шкурой?.. – пронзительно закричал горноста́й. – Заруби себе на носу, что МОИ зубы могут и кожу слона прокусить. Я ловок и на земле, и на дереве. И тебе, клубок колючек, скоро хана придёт...

Ёж быстро свернулся в клубок, но его нос всё же пострадал. Пайк и Вамбола отреагировали мгновенно – схватили Кикилемба за лапы. Горноста́й попытался укусить обоих, но пёс и сова ловко увернулись.

– Шимпанзе, быстро принесите пустую клетку из птичьего домика, – скомандовал Юлиус, – да не деревянную, а провололочную.

Когда горноста́я Кикилемба засунули в клетку, Вамбола сорвала подорожник и приложила его к раненому носу ежонка. Верблюдица Земфира пробралась сквозь толпу и внимательно изучила рану Феликса.

– Точно такие же следы от зубов были и на шее моего верблюжонка, – заявила она. – Следовательно, горноста́й Кикилемб и есть Большое Коварство! Кто бы мог подумать: такой маленький зверёк и такое большое коварство!

И она обратилась к горноста́ю, который злобно метался по клетке, стараясь вырваться на свободу:

– Зачем ты так поступаешь?

– Чистосердечное признание может смягчить наказание, – добавила Вамбола.

– Всё равно я выберусь отсюда! – кричал в ответ Кикилемб. – Вы все мне на нервы действуете, кучка недоумков! Вот я был бы правильным царём зверей – все бы меня боялись и уважали. Именно Я! А не глупый заяц. Он для меня был просто ширмой, уж с ним бы я потом быстро справился, пару раз укусил – и конец ему. Дураки сами виноваты, что их за нос водят...

– Какая низость! – с гневом закричала Инес. – Бесстыжий горноста́й, ты воспользовался доверчивостью моего мужа!

– Я же сказал, что дураки сами виноваты, – ухмыльнулся Кикилемб. – Лев – тоже простофиля, ему несколько недель понадобилось, чтобы понять, что за всеми происшествиями стоит одна и та же умная личность. Я умный и хитрый! Я ловкий и прыткий! Почему я должен выполнять приказания старого льва со стёршимися зубами?..

– Отнесите его клетку в домик грызунов, – с трудом сдерживаясь, приказал лев. – Я назначаю наказание Кикилембу в виде пожизненного заключения. Он лишается права участвовать в больших собраниях!

– Правильное решение! – закричали звери.

– Слишком мягкое наказание! – каркали вороны.

– Я ещё с вами поговорю! – грозил птицам Кикилемб.

Когда шимпанзе унесли клетку с горноста́ем, лев спросил:

– Друзья! Каково же ваше решение? Будем выбирать нового царя?

– Нет, ни в коем случае! – закричали все звери, перебивая друг друга.

– Это было бы крайне глупо! – вопил во всё горло заяц Альберт. – Не дайте обмануть себя таким подлым личностям, как горноста́й. Да здравствует лев Юлиус! Царь всех зверей!

Лев усмехнулся и произнёс:

– Тогда дослушаем песенки, которые сочинил ежонок.

Феликс исполнил свои сочинения. И хотя он очень волновался, но ни разу не перепутал слова. Все ему аплодировали и восхищались его талантом.

– А теперь, – произнёс Юлиус, – пора размять лапы и крылья под весёлую музыку Юула и Бертольда. А в 12 часов мы разойдёмся по своим домам.

Инес и Альберт танцевать не стали. Они подошли к Феликсу.

– Как твой носик? – участливо спросила Инес. – Надо бы его полечить. Вот, я собрала подорожники. Они тебе помогут.

– Не беспокойся, – произнёс Феликс с улыбкой, – мне уже значительно лучше.

– Я горжусь тобой, сынок, – воскликнул Альберт и уже было поднял лапу, чтобы похлопать Феликса по плечу, но вовремя вспомнил об острых ежиных иголках. – Велика всё-таки сила искусства, я имею в виду песню. Благодаря тебе тайна Большого Коварства раскрыта!

Потом Альберт подошёл к Юлиусу и произнёс:

– Надеюсь, ты не обратил внимания на ту глупость, которую я ляпнул под влиянием горностаея?

С совершенно серьёзной мордой Юлиус спросил Альберта:

– А разве ты не собираешься принять у меня жезл правления? Я, было, подумал, что пришло наконец золотое времечко правления зайцев.

И он насмешливо запел:

Эй, братцы, эгей!

Кто зайцев храбрей?

Мы будем царить над природою всей!

– Что ты, что ты!.. – испугано воскликнул Альберт, но поняв, что лев шутит, тоже засмеялся. – Нельзя же принимать всерьёз слова песен. Можно ведь и помечтать... Кстати, Феликс – мой сын. И он по-настоящему талантлив. Моя школа! Я сразу заметил, что в нём ЧТО-ТО есть. Он – точная моя копия, будто из меня сделан.

Ёжик Феликс посмотрел на Альберта, потом – на Инес, усмехнулся и сказал:

– Надеюсь, ты при этом не поранился об мои острые иголки...

Альберт задумчиво почесал за ухом и пригласил Инес танцевать, потому что кузнечик Юул и дятел Бертольд заиграли такую задорную мелодию, что лапы сами пустились в пляс.

КНИГА ВТОРАЯ

Ёжик Феликс

и заботы осени

Феликс и его друг Солнышко

В последние дни жатвы (а она, как известно, бывает в августе) Солнце светило ещё жарче, чем в разгаре лета. Слоны, львы, верблюды и другие звери родом из жарких стран чувствовали себя прекрасно. А вот белый медведь Франц из-за своей тёплой мохнатой шубы неимоверно страдал и просил позвать парикмахера, чтобы тот постриг его как можно короче. Северные олени просили директора зоопарка разрешить переехать в Лапландию. Волка Вольфганга жара так утомила, что он ругался на чём свет стоит, да притом такими словами, что мамыши сшили своим деткам шапки-ушанки, чтобы уберечь их нежные ушки от бранных слов.

Ёжик Феликс решил запомнить все слова, которые вылетали из волчьей пасти. Конечно, не для того, чтобы их использовать, а для того, чтобы знать, какие слова произносить нельзя. (С другой стороны, в жизни всякие слова могут понадобиться. Вдруг Феликс станет писателем и будет сочинять книги для взрослых.)

Феликса жара не особенно донимала – он ведь все свои дела планировал на вечер, а при дневном свете занимался ими редко. Прищулив глаза, он глядел на Солнце и пытался придумать стихотворение, которым можно было бы приветствовать солнечное колесо.

Любят Солнце и ёжик, и тля.

Ля-ля-ля! Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

– задумчиво бубнил он себе под нос. Насчёт тли он уверен не был: такого рода насекомые, по мнению Феликса, не годились ни для чего другого, кроме как в качестве питания. И только в том случае, если перекусить больше нечем. О том, что чувствует тля и чувствует ли она что-нибудь вообще, Феликс не знал да и не задумывался об этом. Не спрашивать же у мороженого перед тем, как его съесть, нравится ему Солнце или нет.

Феликс немного подумал и начал заново:

*Ты меня золоти и сияй,
Но за носик меня не кусай!*

Но и эти строчки, по мнению ёжика, не были достаточно поэтичными: золочение иголок звучит красиво, а вот слово «носик» не очень хорошо подходит, если речь идет о небесном светиле. Ведь Солнышко – это не горноста́й Кикилемб, который однажды со злостью укусил Феликса за нос.

«Да...» – вздохнул Феликс, вспомнив о приключениях этого лета. Ещё совсем недавно он мог мгновенно придумать любое стихотворение, они выскакивали из него, как кролики из шляпы фокусника. И хотя шляпы Феликс никогда не имел, стихов было столько, что хватало на всех обитателей зоопарка. Ничто не мешало его творчеству: ни голодное бурчание в животике, ни плохое настроение, которое иногда навещает любого из нас.

Когда павлину Паапу понадобилась брачная песня, Феликс придумал её за несколько минут. А для утренней физкультуры многочисленных зайчат Инес и Альберта ёжик сочинил такую задорную песенку, что сам забыл про свой пустой желудок. Песенка получилась такой замечательной, что даже ленивый заяц Альберт не отставал от зайчат: прыг-скок, прыг-скок, лапы вместе, лапы врозь.

После участия ёжика в расследовании преступления горноста́я Кикилемба все звери начали уважать Феликса. Он был почётным гостем не только в семье льва Юлиуса, его рады были видеть все обитатели зоопарка. Ведь кроме стихов Феликс рассказывал им о новостях «большого мира», в котором бродил по ночам. А слон Аксель, известный своей неповоротливостью, при приближении Феликса осторожно переступал ногами, будто шёл на цыпочках, чтобы случайно не наступить на поэта-песенника.

Словом, ёжик Феликс жил в зоопарке, как любимая кошка в королевских покоях. Он придумывал всё новые и новые стихи, но стал замечать, что в последнее время его творчество частенько продвигалось со скрипом.

«Может, я постарел? – думал Феликс. – Может, я вовсе не творческая личность? А вдруг я серьёзно заболел? Или действительно постарел? Вот отрастёт у меня живот, я стану ленивым и неуклюжим...»

*Спит на ходу бедняга ёж.
Куда ты, старенький, бредёшь?*

– пробормотал Феликс.

«Может, это будут мои последние строки перед вечным сном», – вздохнул ёж и спрятался под кустом. Сон пытался его сморить, но безуспешно – что-то мешало Феликсу заснуть. Его влажный носик учуял, что прямо под кустом валяется отличный обед. И правда, кто-то потерял свой рюкзак, в котором среди других вещей лежали завернутые в бумагу бутерброды с копчёной рыбой. Сильный рыбный запах сразу согнал с ежиных глаз сонную пелену.

«Интересно, это салака или камбала?»

– подумал было Феликс, но долго размышлять об этом не стал. Раздалось чавканье, и через минуту Феликс понял, лакомится копчёной салакой.

– Салака – моя любимая рыбка! – с удовольствием урчал Феликс. – Кто-то хотел преподнести мне сюрприз. Может, это ты, мой друг Солнышко?»

*Вот спасибо, Солнце: как во сне,
Ты надежду подарило мне!*

– прошептал ёжик. Он откусил ещё кусочек и прикрыл сонные глазки.

Похищение

Хоть ёжик Феликс и считал Солнышко своим большим другом, но, как и многие звери, предпочитал действовать в вечернее или ночное время. А вот птицы – другое дело. Их жизнь начиналась ранним утром, ведь в темноте в древесной коре гусеничку не разглядишь, особенно если нет фонарика или спичек. Поэтому Феликс привык к тому, что с наступлением темноты птичье царство замирало и слышно было только шебуршание мудрой совы Вамболы, которая тихо занималась своими ночными делами.

Открыв глаза, Феликс оказался в кромешной тьме в полном смысле этого слова. Но тьма эта была полна тревожных птичьих криков.

*А почему земля трясётся
И гомон птиц над ней несётся?*

– задал себе рифмованный и не совсем ясный вопрос Феликс.

Бум-бум-бум... Ёжик не смог удержаться на лапках, потому что земля буквально уходила из-под ног. Что происходит? Пока Феликс спал, кто-то раскачал землю? И почему так тревожно кричат птицы? Ещё до наступления темноты они должны крепко спать и видеть розовые и голубые сны.

Ёжик наострил ушки.

– А ну, держите его! – раздавался птичий гомон сверху и снизу, справа и слева. – Вор, разбойник!

Донёлся раскатистый и грозный рык льва:

– Что случилось? Где смотритель? Пайк! Пайк!

«Ого, если уж лев Юлиус проснулся, значит, происходит что-то ужасное. Может, злой горностаи Кики-лемб опять украл из гнезда чьи-то яйца?» – подумал Феликс и решил сходить к львиному вольеру, чтобы прояснить ситуацию. Но не тут-то было! Земля тряслась всё сильнее. Ёжик втянул в себя воздух, и запах копчёной рыбы напомнил ему о рюкзаке, в который он улёгся поспать после трапезы. Дело было вовсе не в землетрясении, а в рюкзаке, который подпрыгивал на чьей-то спине.

– Помогите! – закричал ёжик. – Выпустите меня отсюда!

Но его тонкий голосок потонул в птичьем гомоне. Рюкзак был сшит из толстой искусственной кожи, и справиться с ней зубки ёжика не могли. Так что Феликсу ничего не оставалось, как только ждать дальнейшего развития событий.

Вдруг послышались приближающиеся быстрые шаги, и тот, у кого за спиной болтался рюкзак, резко остановился.

– Открой мешок, Вики, – раздался хриплый голос, – а то мне эту птичку не удержать.

Мешок бросили на землю, и над головой Феликса сверкнула серебристая Луна на тёмно-синем небе.

*Эй, Луна, ты мой дружок,
Помоги открыть мешок!*

– по привычке подумал рифмами Феликс.

Луна засверкала ещё ярче, но отдать команду рюкзаку она не могла. Не успел ёжик выбраться из ловушки, как на него свалилось что-то тяжёлое. От неожиданности Феликс вскрикнул. На него упало явно живое существо – оно испуганно шипело, гоготало, кудахтало и трепыхалось. Ведь, согласитесь, свалиться на ежигные иголки – не на перины плюхнуться.

– Не дёргайся, ты не один в рюкзаке, – сердито закричал Феликс.

– Свободу! Я требую свободу! Где мой адвокат?! – заверещал незнакомец, чей голос показался ёжику очень даже знакомым. – Я – уважаемая птица, меня ждёт моё многодетное семейство.

– Паап, это ты?! – удивлённо воскликнул ёжик.

– Кто же ещё! – сердито ответил павлин. – А ты случайно не Феликс-сочинитель? – И он заверещал ещё громче: – Поэты в неволе! Вот до чего мы докатились!.. Свободу! Свободу слова!

Павлин засучил лапами и попытался захлопать крыльями, насколько это было возможно в тесном рюкзаке.

– Выпустите нас! Свободу! Свободу!

Тут кто-то сильно встряхнул мешок, и павлин перестал дёргаться.

Верёвки, стягивающие рюкзак, после трепыхания павлина немного ослабли, и сквозь небольшое отверстие в него снова заглянула Луна. Только теперь она была бледной и казалась тревожной.

Бег в мешке

– Тсс... – услышал ёжик. Это произнёс тот, кто нёс рюкзак.

– Стой, в домике зрителя зажёгся свет. Спрячемся в кустах и переждём...

– Успокойся, я дал собаке снотворное. Она не проснётся, – ответил человек с хриплым голосом.

– Лучше подстраховаться, чем влипнуть, – возразил второй. – У меня уже спина болит, рюкзак-то тяжёлый.

– Надеюсь, я птичку не очень сильно потряхнул, поди, живая ещё, – тихо произнёс хрипун.

Феликс почувствовал, что рюкзак опускают на землю, и через узкое отверстие смог кое-что рассмотреть. Ночных незнакомцев было двое: один – смуглый, с большой бородой, второй – круглолицый и нос картошкой.

– Ничего с этой птицей не случится, – сказала борода. – Птицы – народ живучий. Ну, а если птичка коньки отбросит, мы из неё отличное жаркое приготовим. Царская еда!

– Деньги важнее жаркого! – возразил нос картошкой. – Один мой знакомый даст за него пять штук! Ну, три – уж точно! Я слышал собственными ушами, как он сказал: «У меня есть всё – вилла, фонтан, два льва у ворот парка, а вот павлина нет. Полцарства за павлина!» Я как это услышал, так у меня голова и заработала. В зоопарке птиц много, вряд ли их кто пересчитывает.

– Пять штук... – с сомнением протянула борода. – Неужто и вправду?

– Думаешь, павлин меньше стоит? – ухмыльнулся нос картошкой. – У богатых свои привычки. У них есть всё – как говорится, от богатства дом ломится. Но им для полного счастья надо, чтобы ещё и павлин на зелёной травке хвост распускал.

– Ну, если чистыми пять штук на руки... – задумчиво протянула борода. – Это неплохой навар.

– Подождём, когда охранник заснёт, тогда и махнём через забор, – сказал нос картошкой.

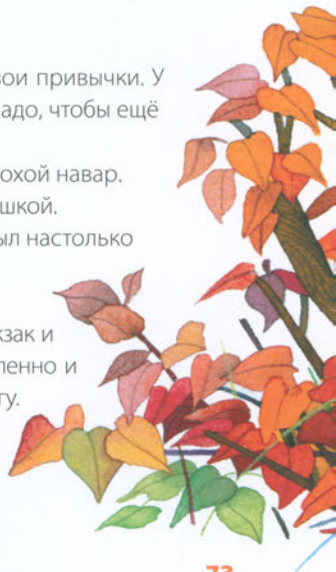
Феликс услышал щелчок бутылочной пробки, и в нос ударил сильный запах. Он был настолько резким, что даже Паап, потерявший было сознание, открыл глаза.

– Свободу... – захрипел он. – Свобо...

– А ну, тихо! – зашипел ёжик. – Здесь не место митинговать. Попробуем открыть рюкзак и скрыться, пока эти двое водку распивают. Я заметил, что пьяные люди действуют медленно и совершают глупые поступки. Попытайся ослабить эти верёвки, я до них дотянуться не могу.

Паап выпрямился и начал клювом тереть стягивающие рюкзак верёвки. Отверстие чуть расширилось, но не настолько, чтобы такая крупная птица, как павлин, смогла бы выбраться на свободу.

– Была бы под рукой какая-нибудь острая иголка, – посетовал Паап.

– Вот, держи иголочку, – вздохнул Феликс.
– Только смотри, чтобы и у тебя одалживание иголок в привычку не вошло. На днях зайчихе Инес понадобился крючок для вязания, старшая дочь кабанихи захотела ушко проколоть, чтобы колечко вставить, кенгуру постоянно зашивает дырки в сумке, чтобы детишки не вывалились... Если дело так пойдёт и дальше, такими темпами я скоро совсем облысею.

Паап благодарно посмотрел на Феликса, взял клювом иголку и принялся тыкать ею в узел.

– Вот теперь мы пролезем, – решил павлин и сказал: – Бежим!

– Постой! – остановил его ёжик. – Как я понимаю, летать ты не умеешь, так что эти двое тут же тебя схватят. Лучше ты тихонько вылез из мешка и спрячься в кустах. А потом пробираться к дому зрителя. Туда эти грабители не сунутся.

– А ты?

– За меня не беспокойся, – бодро сказал Феликс.

– Ну, раз, два, три – давай!

Павлин довольно резво сиганул из мешка. Феликс тоже уже почти выбрался и даже успел высунуть из рюкзака мордочку, но тут раздался голос картофельного носа:

– Ну, одной бутылки нам хватит, а вторую потом выпьем.

– В кустах кто-то шевелится... Слышал? – забеспокоилась борода. – Пошли отсюда быстрее. Давай мешок.

Рюкзак рывком подняли, и Феликс снова свалился на дно. Мешок на спине убегающего вора запрыгал, а вместе с ним – и бедный ёжик.

Пароль

– Тирр! Тирр! Тир-тир-тирр!..

Ёжик открыл глаза. Вот так история! Похоже, он заснул недалеко от домика зрителя, ведь это – треньканье его будильника. Под этот звук он и раньше просыпался, когда накануне, внимая интересным и разнообразным запахам зоопарка, засыпал на ступеньках домика, отполировав перед этим до зеркального блеска миску Пайка. Но теперь он не чувствовал запахов зоопарка, зато в нос ему ударил отвратительный запах остатков копчёной рыбы.

Феликс понял, что его заточение в рюкзаке вместе с павлином было не сном, а реальностью. К счастью, не всё в этой истории оказалось плохо – павлину удалось бежать. Теперь Феликс в одиночестве сидел в мешке и ждал, пока проснутся вору-алкоголики. А иначе зачем будильнику так настойчиво тренькать своим металлическим голосом?

– Может, твоего любителя птичек дома нет? – услышал Феликс хриплый голос. – Может, на Канарские острова улетел загорать? Ха-ха-ха.

– Тирр-рр-рр! – вновь раздалось треньканье. И Феликс понял, что это звенит вовсе не будильник, а дверной звонок.

– Да что ты там так долго возишься? – недовольно бурчала борода.

– Пароль – это «тирр–тирр, тир-тир-тирр». Понимаешь? Марулемб ведь не пускает к себе всех подряд. Только с паролем.

– Ну, я этих твоих до-ре-ми-фа-со-ля-си не знаю.

– Ну и не лезь, куда не просят, Эвальд, – разозлился знаток музыкального пароля. – Что-то никто не открывает. Может, позвонить ему по телефону?

Он начал рыться в своих карманах.

– Чёрт, это не тот мобильный, и это не тот... А, вот и мой дорогой мобильный-дебильный телефончик.

– У тебя что, три телефона? – удивилась борода.

– Иногда бывает и десять, – засмеялся нос картошкой. – Сегодня в зоопарке был плохой день – одни дети да бабули, которые ничего не понимают в технике. Но я – человек практичный, порожняком не хожу. Небольшая сутолока у клеток шимпанзе – и задние карманы у ротозея уже очищены. Три минуты в очереди за мороженым – и сумочка у девчонки с косичками стала легче. После продажи павлина мы с боссом провернём маленький бизнес с мобильными телефонами. Эти, конечно, не самые крутые, без фотокамер, но на карманные расходы нам хватит.

– Твой босс всё подряд скупает?

– Ещё как! Спроси, чего у него нет. Всё, что душа захочет, начиная с золотых побрякушек и кончая настоящими пистолетами. Марулемб скупает машины и золото, породистых собак и телевизоры, картины и газокосилки, – хвастливо сказал картофельный нос.

– И что он со всем этим делает?

– Перепродаёт. Думаешь, такая вилла сама из земли выросла, как гриб?

Тут он заорал в трубку:

– Алло, алло! Марулемб? Это я, Вики. Мы с друбаном у тебя за воротами. Принесли тебе павлина, кото-

рого ты заказывал. Полвторого ночи? Так ведь средь бела дня в магазине павлинов не продают.

– Это точно, – засмеялась борода, – В гастрономе павлинами не торгуют.

– Так куда мне эту птицу деть? – продолжал орать в трубку нос картошкой. – Тогда отнесу его твоему конкуренту – Чёрному Графу. Он за такую красоту десять штук отвалит. Да не обиделся я... Ну, ладно, жду.

Феликс услышал металлический скрип и шуршание, а затем почувствовал, что рюкзак снова закинули за спину. Он одновременно испытывал и чувство голода, и желание уснуть, и тоску по дому. Ёжик попытался поддержать себя сочинительством и выдумал маленький стишок:

*Была б тут рыбка золотая,
Мои желанья исполняя...
Я бы поел, поспал слегка
И дёру дал из рюкзака!*

Но, к сожалению, золотые рыбки в рюкзаках не водятся. И Феликс прекрасно знал об этом.

Появление золотой рыбки

Сон как-то сразу сморил ёжика. Он не услышал скрипа дверных замков и вопроса Марулемба «Ну и где эта злосчастная птица?» Феликс очнулся в тот момент, когда рюкзак развязали и всё его содержимое вытряхнули на паркетный пол.

– Пять штук, хозяин. Иначе и разговора не будет! – сказал Эвальд.

– Такие птички не у каждого миллионера водятся, – хвастливо добавил Вики.

Феликс с фырканьем вывалился на пол, быстрым взглядом оценил ситуацию и мгновенно свернулся в клубок. Тишина, воцарившаяся в комнате, стала зловещей. Вики снова встряхнул мешок. На пол выскользнул разорванный целлофановый пакет, из которого вывалились хлебные корочки.

– Павлин ДОЛЖЕН там быть!!!

– Может, ты в мешок ещё с лупой залезешь? – усмехнулся Марулемб. – Хотели меня обдурить? Вы за кого меня держите?! Кота в мешке не покупаю! Тем более – ежа!

– Гляди– ка, – вскрикнул Вики и вытащил из рюкзака перо павлина. – Это, по-твоему, от кота перья?

– Вон из моего дома! – взревел Марулемб и ударил кулаком по столу. – Что б и духу вашего здесь не было!

– У нас БЫЛ павлин в мешке, честное слово! – закричал Эвальд, нервно почёсывая свою бороду. – Я своими руками его поймал...

– А иначе как это перо в мешок попало?.. – пояснял Вики. – К тому же, босс, у нас тут несколько мобильников. Отдам задёшево.

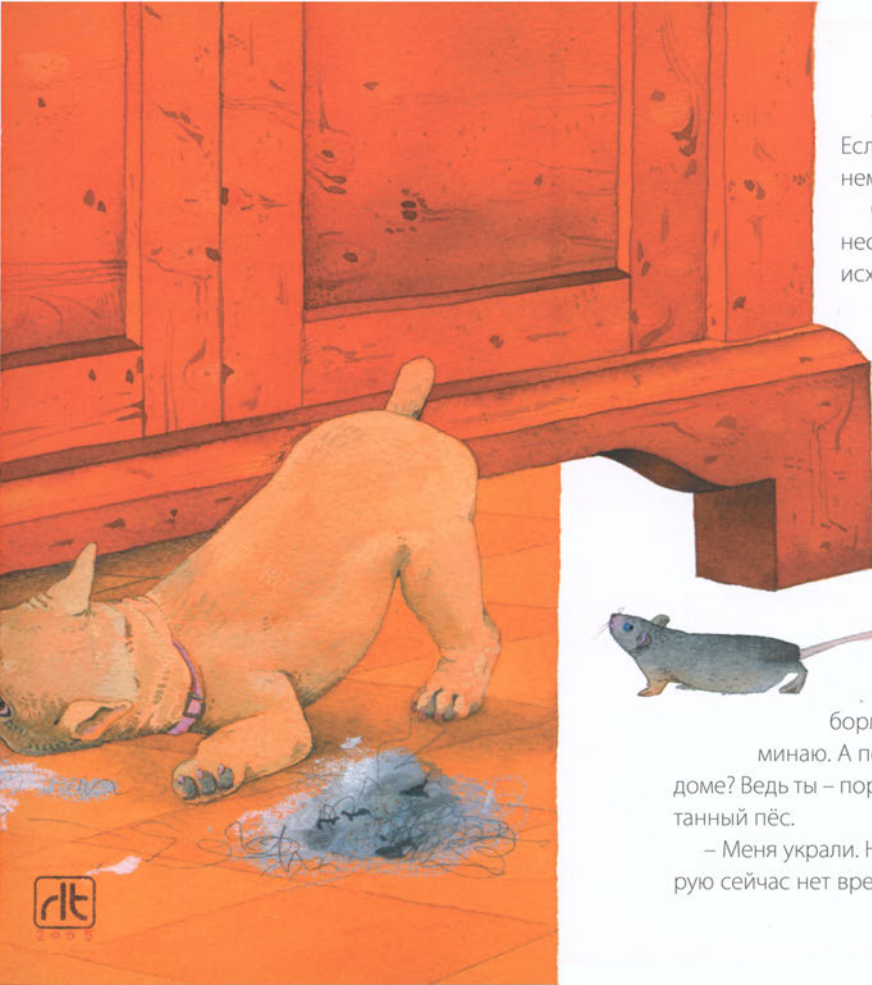
– Вон!!!! – ещё громче завопил хозяин и вклеил Вики такую затрещину, что телефон выпал у него из рук и скользнул под шкаф. – Вон! А то я засуну эти мобильники тебе в глотку!.. Гектор! Жулик! – Марулемб распахнул дверь и свистнул. В коридоре по паркету застучали собачьи когти. Два мошеника быстро ринулись к выходу и успели захлопнуть за собой дверь.

Феликс тоже не стал дожидаться собак и в поисках укромного местечка засеменил под большой красный шкаф. Ах, как много тут было комков пыли, и как трудно было ёжику удержаться от чихания. Из-под шкафа Феликс увидел огромные чёрные собачьи лапы, к которым тут же присоединились светло-коричневые лапки меньшего размера. Большой чёрный блестящий нос еле протиснулся под шкаф, а вслед за ним появилась маленькая мордочка и почти дотянулась до Феликса.

– Ай-ай-ай! – завопила маленькая собачка и отскочила назад. Так ей и надо, сама полезла к колючему клубку. Собачка с жалобным визгом подскочила к хозяину. А владелец большого чёрного носа спросил у Феликса:

– Ёж, ты чего в чужой дом залез? Если мы с Жуликом тебя не достанем, хозяин сам тебя обезвредит.

Феликс представился и в нескольких словах объяснил происхождение.

– А, так ты тот самый ёж-стихотворец? Я о тебе слыхал, – сказал большой чёрный пес с сопением. – Моя племянница – сестра невесты пса Пайка. Она о тебе много рассказывала. Может, и Пайк говорил тебе о своём друге детства – о доге, с которым он вместе ходил в школу для собак?

– Да-да... – пробормотал Феликс, – что-то припоминаю. А почему ты, Гектор, живёшь в этом доме? Ведь ты – порядочный, дружелюбный, воспитанный пёс.

– Меня украли. Но это длинная история, на которую сейчас нет времени. По крайней мере, меня за

забор не выпускают. Погоди, дай подумать, как тебя выручить. Сначала я попробую отвлечь хозяина и Жулика, а потом займёмся делом. Жулик, надо признать, пёс узколобый, но его коварства хватит на десять цепных собак. Держись, приятель! – произнёс Гектор и заскулил ещё жалобнее, чем Жулик.

– Ай-ай-ай... Больно... – притворно скулил Гектор, вытаскивая свой нос из-под шкафа.

– В чём дело, Гектор? – сердито спросил хозяин. – Разве такой тренированный пёс, как ты, боится маленького ежа? Сейчас я вытащу его метлой. Кусните его пару раз, не промахнитесь.

– Гав-гав! – громко залаял Гектор, наострив уши. – Хозяин, во дворе кто-то ЕСТЬ. Кто-то пытается проникнуть в дом. Гав-гав-гав!

К его басовитому лаю присоединился высокий тенор Жулика:

– Воры, грабители, бежим, покажем им!..

– Кто-то за воротами? – встревожился Марулемб. – Может, эти два жулика снова пытаются сбить с рук краденые мобильники?

– Гав-гав-гав! Дело серьёзное! – лаял Гектор, царапая когтями дверь.

– Пойдём посмотрим, – решил Марулемб, – а с ежом потом разберёмся.

И все трое направились к входной двери. Феликс ещё немного подождал и выбрался из-под шкафа.

– Ну вот, пришло время действовать, Феликс, – услышал он чей-то нежный голосок. Ёж осмотрелся, но не увидел ни одной живой души.

– Кто меня звал? – спросил он.

– Это я, золотая рыбка, – произнёс тот же голос.

Феликс начинает действовать

Феликс тут же придумал такой стишок:

*Сошёл с ума я – это так.
Я слышу рыбу? Вот чудак!
Она не лает и не блеет,
Вести беседу не умеет,
Она молчит – всегда, везде,
Лишь буль-буль-булькает в воде!*

– Ха-ха-ха... – услышал ёжик доносящийся со стороны окна тихий смех. – Мы, рыбы, всё же умеем говорить. Просто наш голос почти не слышен. У тебя, ёжик, к счастью, очень чувствительный слух. Что ты вертишь глазами-пуговичками, посмотри сюда. На столе стоит большой круглый аквариум. Тут среди зелёных водорослей я живу. Кстати, моё имя Гольда.

Ёжик засеменял к окну и увидел золотую рыбку, которая глядела на него, пуская пузыри.

– Здравствуй, золотая рыбка Гольда! – крикнул он радостно. – У меня есть три желания: я бы хотел поесть, поспать и попасть домой в зоопарк.

Рыбка покачала головой:

– Дорогой Феликс, к сожалению, это невозможно.

– Невозможно? Тогда исполни только одно – перенеси меня в зоопарк. Дома я всегда найду, чем перекусить, а вздремнуть смогу хоть в клетке льва.

– С тех пор как мы, золотые рыбки, могли исполнять желания, прошла не одна сотня лет. Как-то раз нашим добродушием злоупотребил один глупый человек. Может, ты слышал историю о рыбаке и золотой

рыбке? У рыбака была ленивая и жадная жена. В конце концов захотела она стать владычицей морей. Но морской властелин не хотел такую жадную жену и издал указ о том, что золотые рыбки больше никогда не будут исполнять ничьё желание.

– Что же мне тогда делать? Подскажи, рыбка. Если хозяин увидит, что у ворот никого нет, он вернётся в дом со своими собаками, а этот Жулик показался мне совсем не приветливым.

– Ты, ёжик, ещё многим можешь помочь, – заявила Гольда. – В этом доме в неволе находится много живых существ. Меня принесли сюда, похитив из дома одной маленькой девочки. Пока вся семья была занята своими делами – кто в школе, кто на работе, воры проникли в квартиру и унесли оттуда всё, что показалось им ценным: телевизор, компьютер, шкатулку с драгоценностями и аквариум. В этом аквариуме жила наша счастливая дружная семья, но в этом доме нас разлучили навеки. Аквариум поставили в комнату, где жили породистые кошки регдоллы. Слыхал о таких? Говорят, что они ласковые, но я этого не заметила. Как только Марулемб поставил аквариум на стол, кот Рагнар сунул лапу в воду и подцепил когтями моего дорогого Кульдара. Печально, что я не могу увековечить память моего супруга, ведь не приладишь же серебряную табличку с именем Кульдара к кошачьему брюху. Бедный, бедный Кульдар...

– Я тебе сочувствую, – искренне сказал Феликс.

– В этом доме горюет ещё десяток породистых собак и кошек, есть даже попугаи. А в амбаре за домом живут два пони. Все они украдены и будут проданы новым хозяевам за большие деньги, – печально поведала рыбка.

– Теперь я понимаю, зачем Эвальд и Вики украли из зоопарка павлина Паапа, – воскликнул ёжик. – Хорошо, что я забрался в рюкзак и там заснул. Моя приёмная мама зайчиха Инес говорит, что если что-то идёт не так, как надо, вполне возможно, что это приведёт к чему-то хорошему. Паап – гордая птица с нежной душой. Окажись он в рюкзаке в полном одиночестве, он бы не пережил это приключение. Этот Жулик сразу свернул бы ему шею. Хрясь – и всё!

– Это верно, – согласилась Гольда.

– А мы сможем спасти всех этих бедных зверей и птиц? – с беспокойством спросил Феликс. – У меня не так много сил. Да и к тому же, оказавшись на свободе, они могут перекусать друг друга: кошки – птиц, а собаки – кошек. Их ведь держат на голодном пайке.

– Да, трудно нам с тобой придётся, – согласилась золотая рыбка. – С плохим человеком может справиться другой человек – только добрый и хороший. Ты такого человека знаешь?

– Знаю. В нашем зоопарке работает много хороших людей, – заявил Феликс, – но как мне туда попасть?

– Я заметила, что Марулемб нервничает, когда слышит слово «полиция», её он боится, как огня. Ты мог бы позвонить в полицию, телефон лежит под шкафом, он попал туда во время потасовки. Тебе надо нажать на кнопки 112. Кстати, по этому номеру можно звонить и врачам, и пожарным, – поучала рыбка.

Ёжик засеменил под шкаф и сразу увидел телефон.

– Но я ведь не знаю цифр, – с отчаянием фыркнул Феликс.

– К счастью, я знаю. Моя маленькая хозяйка училась различать буквы и цифры, – сказала Гольда. – Смотри: один – это палочка с маленькой чёрточкой, а два – это цифра с лебединой шеей. Попробуй. Правильно, получилось!

Как только Феликс нажал лапкой на указанные Гольдой кнопки, телефон сразу зазвенел.

– Дежурный Вальвсоо слушает. В чём ваша проблема?

– Скорее сюда! Спасите нас! Торопитесь, пока Жулик не вернулся!

– Сообщите ваш адрес.

– Черездорожный переулок, дом № 113, – шёпотом подсказала Гольда, и ёжик повторил адрес.

– Уточните, кто вам угрожает – хулиганы или вооружённый грабитель?

– Это грабитель Марулемб и злая собака Жулик, – сообщил Феликс.

– А кто вы?

– Феликс и Гольда.

– Ваши фамилии?

Ёжик задумался.

– Фамилии?.. – повторил дежурный.

– У нас нет фамилий...

– Как нет?.. – в голосе дежурного послышалось сомнение.

– Мы, вообще-то, – ёж и золотая рыбка. Мы живём на планете Земля, а точнее, в Евразии. Что касается семейного положения, то я из очень порядочного семейства. Мой приёмный отец – заяц Альберт, а приёмная мать – зайчиха Инес. Я бы не хотел хвастаться, но я именно тот ёж, который разоблачил горностаю Кикилемба.

– Какой заяц?! Какой Кикилемб?! Не тратьте попусту наше время, – рассердился дежурный. – У нас и так много работы.

– Если не верите, сходите в зоопарк и спросите у льва Юлиуса, – закричал Феликс, – или у волка Вольфганга, хотя у него из-за жары всё в голове перевернулось и он употребляет разные нехорошие слова.

– Пи-пи-пи... – раздалось в телефонной трубке.

– Он мне не поверил. Что теперь будет? – в отчаянии закричал Феликс.

Телефон

– Попробуй ещё раз, – посоветовала Гольда, – скажи, что дело серьёзное.

– Алло-о! – обрадовался Феликс, вновь услышав в трубке голос дежурного Вальвсоо. – Это снова ёж Феликс. Я не шутил, правда. Меня украли сегодня из зоопарка вместе с павлином Паапом, но ему удалось сбежать.

– Слушай, шутник... – голос дежурного стал злым, – я вижу на своём телефоне твой номер и могу установить, где ты живёшь. Если твои родители узнают о твоих проделках, сам понимаешь, что будет. Только попробуй ещё раз побеспокоить меня своими глупыми шутками!

– Не расстраивайся, – сказала золотая рыбка, видя, что ёжик от огорчения чуть не заплакал. – Может, что-нибудь и придумаем.

Вдруг из телефона послышалась музыка. Феликс испуганно посмотрел на мобильный, не зная, что делать.

– Кто-то звонит. Нажми на ту кнопку, на которой нарисована зелёная трубка, – сказала золотая рыбка.

– Может, полицейские наконец мне поверили, – обрадовался ёжик. – Алло, это я, Феликс!

Но в трубке зазвучал голос ещё злее, чем у дежурного Вальвсоо.

– Ну что, воришка, попался!!! – кричал кто-то басом. – Это ты украл телефон у моей дочки? Не думай, что тебе это сойдёт с рук. Какая подлость – красть у ребёнка!

– Извините, это ёж Феликс. И я не крал телефон у вашей дочки.

– А-а, так его уже перепродали... Ну, я это так не оставлю!

– Да-да, не оставляйте! – похвалил его Феликс.

– Ты ещё насмехаешься надо мной?!

– Пожалуйста, сообщите полиции, что ваш телефон находится в доме вора по адресу Черездорожный переулок № 113, – закричал Феликс. – А если вам не поверят, позвоните, пожалуйста, в зоопарк...

– При чём здесь зоопарк? – удивился голос в трубке.

– Лучше всего поговорить с псом смотрителя Пайком, – ответил Феликс, – но если он всё ещё под действием снотворного, обратитесь ко льву Юлиусу. Передайте, что ёж Феликс в плену у вора. Вы адрес запомнили?

– Какая собака? Какой лев? – испугался звонивший. – Я разговариваю с сумасшедшим?

– Нет, вы говорите с ежом Феликсом. Ведь телефон вашей дочки украли в зоопарке?

– Вроде да. Она ходила туда днём.

– Вот видите! – радостно воскликнул Феликс. Но его радость сразу испарилась, потому что в этот момент в комнату ворвались собаки во главе с Марулембом.

– А-а, вот кто выбрался из-под шкафа!.. – взревел Марулемб. – Гектор! Жулик! Фас! Хватайте его!

– Беги, Феликс! – закричала Гольда.

Но ёжик понял, что собаки намного проворнее, чем он. Ему ничего другого не оставалось, как только

свернуться в клубок и отражать нападение страшных зубов своими острыми иголками.

– Глядите-ка, и мобильник откуда ни возьмись появился, – ухмыльнулся хозяин дома. Он посмотрел на телефон и разочарованно произнёс: – Да это старье, кто его купит-то?..

Несмотря на это, он засунул телефон в карман своего кожаного пиджака. Собаки тем временем прыгали вокруг Феликса и истошно лаяли. Выглядывая из-за частокола своих иголок, Феликс заметил, что Гектор нападал на него притворно, а вот Жулик был настроен серьёзно, хотя и побаивался подступиться к ёжику вплотную, так как ещё помнил недавние уколы ежовых иголок.

– Ну, хватит шуток! – раздражённо сказал Марулемб. Он снял скатерть со стола и накинул её на ежа. Так ему было легче взять Феликса своими загибающимися руками.

– Сейчас утонешь! – закричал он и бросил завернутого в скатерть ёжика в аквариум. – В этом доме действуют законы, которые устанавливаю я!

Выпустив небольшой фонтанчик, Феликс опустился на дно аквариума.

Эх, никудышный я пловец!

Прощай, дружище, мне – конец!

– булькнул ёжик и подумал: «Это будут мои последние строки».

Эта мысль так потрясла Феликса, что у него на глазах выступили слёзы. Но кто заметит слёзы в воде?

Феликс учится плавать

– О, властелин морей и океанов! Дай моим плавникам и хвосту силы удержать поэта на плаву!

Услышав мольбу золотой рыбки, ёжик открыл сначала один глаз, потом – второй. Вот чудо! Он не лежал на дне, а плавно покачивался среди водорослей. Золотая рыбка пыталась поддерживать его на поверхности. Ёжик собрался с силами и выпустил довольно большой фонтанчик. Избавившись таким образом от воды в носу, он почувствовал себя намного лучше.

– Феликс, ты жив? – спросила золотая рыбка.

– Да здравствует золотая рыбка Гольда! –

продекламировал Феликс, взяв себя в лапы.

– Жаль, что силёнок у меня маловато, – пожаловалась Гольда. – Я слышала, что дельфины, спасая людей, способны нести их десятки километров. А золотые рыбки, особенно жители аквариумов, этого делать не могут. Боюсь, как бы самой не пойти ко дну.

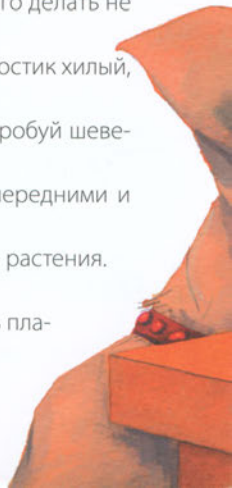
– Может, ты меня научишь плавать? – спросил ёжик. – Правда, плавников у меня нет, да и хвостик хилый, но, может, попытаемся?

– По идее, ежи должны уметь плавать, – поделилась своими соображениями рыбка. – Попробуй шевелить одновременно всеми лапками, а хвостом рули, куда надо.

Ёжик повернулся животиком вниз и сразу же пошёл ко дну. Но потом, засучив в воде передними и задними лапками, он снова поднялся на поверхность и высунул из воды свой носик.

– Молодец! – похвалила золотая рыбка. – Теперь держи курс в тот угол, где растут большие растения. Опираясь на листья, ты сможешь ухватиться за края аквариума.

– Пфф-пфф-пфф... – раздавалось из маленького чёрного ротика. Феликсу даже понравилось плавать. – А как ты, Гольда? Тебе, наверное, тяжело было удерживать меня на плаву?

– Если честно, было довольно трудно, – призналась рыбка. – К счастью, ты не расправил свои колючки. Но что об этом говорить... Хорошо, что босс остался с носом. Он ведь думал, что ты утонешь, потому и сразу ушёл со своими собаками. Я буду подталкивать тебя, а ты хватайся за края. Ну, раз, два и...

Бултых! И Феликс вновь оказался в воде. Со второй попытки ему удалось схватиться за край аквариума, но маленькие лапки скользили по мокрому стеклу. В третий раз Феликс, усердно работая задними лапками, смог забраться на край аквариума и кубарем скатился на пол.

– Браво! – захлопала Гольда своими золотыми плавниками.

– Спасибо... – почти без сил пробубнил Феликс. Первое в жизни плавание утомило его довольно сильно, и он мечтал только об одном – немного поспать. Но мечта так и осталась мечтой – не успел ёжик прикрыть глаза, как его опять окружили собаки. Теперь к Гектору и злому Жулику присоединились маленький тойтерьер и длинноухий спаниель.

– Ты смотри, какой живучий! – покачал головой подошедший Марулемб.

Феликс свернулся в самый тугой колючий клубок.

– Хозяин, облей ежа водой, – посоветовал Жулик. – Я слышал, что в лесу лисы писают на свернувшегося ежа, и это заставляет его раскрыться.

Феликс оторопел. Что же это за дом такой?! То тебя топят, то на тебя писают. Но, к счастью, хозяин пропустил мимо ушей совет Жулика, потому что его внимание отвлекло кое-что другое. Кто-то снова звонил в дверной звонок. Но на этот раз громко и требовательно, без всяких паролей.

– Может, опять те сумасбродные воришки?.. – с сомнением пробормотал Марулемб и, обратившись к собакам, крикнул: – А от вас вообще никакого толку!

И он со злостью пнул Феликса сапогом так, что ёжик взлетел и приземлился прямо на чьи-то тёмно-синие плечи. Их хозяин стряхнул колючий клубок на пол, и Феликс быстро нашёл спасительное убежище под уже знакомым шкафом.

– Да что же это ежи сегодня кругом?.. – проговорил незнакомец и подул себе на пальцы. Феликсу его голос показался знакомым.

Разве это не дежурный Вальвсоо? Конечно, это был он. А вместе с ним в дом ворвалась целая рота полицейских и незнакомый мужчина в очках. Дальше события развивались так же быстро, как в боевике. Полицейские схватили пытавшегося скрыться Марулемба и надели на него наручники. Из его карманов они вытащили два мобильных телефона, один из них принадлежал девочке и был украден у неё в зоопарке. А человек в очках оказался её папой, он и обратился за помощью в полицию.

Сначала полицейские не хотели верить ему, но Вальвсоо вспомнил, что сегодня ему уже приходилось слышать этот адрес. Было решено проверить это подозрительное место. Такого богатого склада награблен-

ных вещей им видеть ещё не приходилось. Комнаты были забиты компьютерами, телевизорами, хрусталём, старинной мебелью и картинами. В доме жили украденные породистые кошки, собаки и попугаи, которых безуспешно пытались найти их хозяева.

А кто этот таинственный незнакомец, который сообщил адрес криминального дома? Ни дежурный Вальвсоо, ни отец маленькой девочки не могли ответить на этот вопрос. Но они очень хотели извиниться перед ним за то, что приняли его сначала за телефонного хулигана. Однако ни в доме, ни во дворе полицейские не нашли ни одной человеческой души. Зато «зоопарк» был богатым: вор по имени Марулемб даже ежа где-то украл.

– Надо будет всех этих зверей отвезти в зоопарк, – сказал Вальвсоо. – А потом найдём их настоящих хозяев.

Подвиг неизвестного героя

Конечно же, о задержании такого крупного преступника узнали и журналисты: на первой странице газеты читатели увидели снимок с большой кучей мобильных телефонов, были там и телевизоры, сваленные один на другой. Рядом с этой кучей красовался дог Гектор, за спиной которого светился аквариум с золотой рыбкой и висели клетки с голубыми попугаями. Под фотографией была подпись: «Девиз преступника Марулемба Яурама: «Ничто человеческое мне не чуждо!»

В статье автор Индра Юнилаас обратилась к загадочному гражданину, который, предупредив полицию, сам пожелал остаться неизвестным. Несмотря на собственное расследование, журналистке не удалось разыскать гражданина Феликса Ежова. Но она надеялась, что преступник Марулемб не успел навредить храброму защитнику зверей: «В одном в нашей редакции уверены: если на следующих выборах мы найдём

в списках кандидатов имя Феликса Ежова, мы все дружно за него проголосуем. Умный и бесстрашный человек достоин быть президентом!»

Феликс газет не читал и телевизор не смотрел, поэтому не знал, как настойчиво его искали, чтобы наградить разнообразными призами и титулами. Он чувствовал себя очень хорошо оттого, что вновь очутился в своём родном зоопарке. К тому же во время своего путешествия он повидал многое – и мир, и людей, не говоря уже о трамваях, троллейбусах и автобусах, которые особенно его восхитили.

Подумать только! По Евразии взад-вперёд движутся беззлые большие звери с людьми в животе! И, главное, люди не боятся их, а наоборот, толпятся и толкаются, лишь бы попасть к ним в живот. А когда туда попадают, с важностью садятся и с интересом смотрят в окна. Такие безопасные для людей автобусы, конечно, заслуживали длинных хвalebных песен, и Феликс намерен был сочинить их в самое ближайшее время.

Весь зоопарк знал о приключениях ёжика, но особенно он был популярен среди птиц, так как благодарный павлин Паап объявил Феликса кавалером ордена Павлинов. А пост президента решили ему не предлагать. Все знали, что лучшая награда для ёжика – это неспешная беседа с друзьями и укромный уголок, где он может заниматься любимым делом – сочинять новые стихи.

У Феликса и правда было много новых впечатлений и мыслей, которые следовало зарифмовать. Но чтобы придумать хотя бы один куплет, ему надо было решить две проблемы: чем-то заполнить пустой живот и хоть немного поспать. В миске Пайка в последнее время появлялось больше еды, так как смотритель знал, что пёс делится едой с ёжиком. Но сейчас Феликсу и целой миски было мало. Пайк дружелюбно вилял хвостом:

– Ешь-ешь, дружище. Я не жадный. А хочешь поспать, иди в мою конуру. Только предупреди, в каком углу ты свернёшься калачиком, чтоб я ненароком не укололся.

Доброжелательность друга, конечно, была приятна Феликсу, но он не хотел злоупотреблять его гостеприимством. К тому же кто знает, может, обуревавшие Феликса в последнее время сонливость и ожорство – это признаки какой-нибудь заразной болезни?

– Да-а... – многозначительно протянула сова Вамбола в ответ на жалобы Феликса. – Мировая история

рассказывает, что многие великие поэты погибли в молодости. Но ты вроде не настолько велик, чтобы следовать их примеру. Что ты в последнее время сочинил?

– После путешествия, полного приключений, я придумал одно довольно длинное стихотворение, – застенчиво произнёс Феликс.

– Ну-ка, прочти, – с интересом попросила сова.

И ёжик начал читать свое длинное стихотворение, которое называлось «История о зоопарке людей». Правильнее было бы назвать его историей о «людопарке», но Феликс знал, что такого слова нет, поэтому ему пришлось выкручиваться, придумывая разные обходные манёвры. В конце концов, ведь люди тоже относятся к животному миру, и даже, в определённой степени, – к классу хищников.

*Ну и тёплые – с утра! –
Наступили дни:
На дворе была жара –
Пятьдесят в тени!
Сели уточки в трамвай
Прямо из реки,*

*Душно рыбкам – хоть бросаё
В воду плавники!
Все сомлели до поры
И потели от жары.*

*Вот кричит волчица-мать,
Пробиваясь к двери:
– Дайте сыну подышать,
Если вы не звери!
А народ в трамвае прост –*

Наступили ей на хвост!

А вот тюленю в давке
Чуть не порвали плавки.
Он ластами
Все шарк да шарк:
– Хочу увидеть людопарк!

Дикобразиха
Для дочки

Вяжет свитер
В уголочке:

– Не ходить же всем толпой!
Не вернуться ли домой?

– Нет! – серьёзный лев-отец
Проревел соседке. –
Мы увидим наконец
Человека в клетке!

854

В людопарк мы все хотим!..
Звери согласились с ним.

– Мой мальчик, –
Говорит тигрица, –
Давно желает убедиться,
Едят ли эти люди мошек
И как выкусывают блошек.
Они худы или толсты,
И как длинны у них хвосты?

Не знаю, что сказать ребёнку,
Где взять мальчйшку иль девчонку,
Чтоб сыну въяве показать?
Все в людопарк!.. –
Мурлычет мать.

В очках из роговой оправы
Воскликнул крокодил:
– Вы правы!..
И вдруг – притормозил трамвай,

Тут раздались и рёв, и лай,
Шипенье, хрюканье и карк...
– Выходим!
Вот и людопарк!..

– Пфр-ррр, пуф-пуф, – произнёс вдруг ёж.
Сова испугалась:

– Это что, конец твоего стихотворения? Очень неудачный финал, Феликс. Алё, ты меня слышишь?

– А? – встrepенулся Феликс. – Ой, я опять задремал. Сейчас, сейчас. Это ещё не конец. Где мы остановились?

– Звери наконец вышли из трамвая и очутились перед людопарком, – напомнила сова.

Феликс продолжил:

*Вновь на остановке
Шум и тарарам –
Все на остановке
Бросились к дверям.
Утка пролетела,
Сбоку выполз рак.
В дверь просунул тело
Дождевой червяк:
Чтоб пропустить скорее дам,
Он разделился пополам.
Звериный или птичий –
Свой у всех обычай!*

*Нервная волчица
Ходит взад-вперёд,
Нервную волчицу*

*Прошибает пот:
– Я б дрожала, будь я
Всех других слабей,
Но крепки ли прутья
В клетках у людей?*

*Говорят волчице:
– Что у вас за вид?
Человек – не птица,
Он не улетит!
Вы не бойтесь, мамочка,
Тихо всё окрест,
И волчонка вашего
Человек не съест!*

*– Все в очередь! И стойте тихо! –
Командует кассир Бобриха. –
А детям – всем наперечёт –
В наш людопарк
Бесплатный вход!*

Тут ёж открыл рот и широко, громко зевнул.

– Вот видишь, Вамбола, – заохал он, – ничего не могу поделать. Что за напасть такая, глаза просто слипаются. Того и гляди засну на полуслове.

Феликс именно так и сделал – заснул на полуслове. Сова, с интересом слушавшая Феликса, наклонила голову, обиженно цокнула, щёлкнула клювом и, подумав, сказала:

– Ладно, подреми немного, а я слетаю, перекушу чем-нибудь. Скоро вернусь. Что-то мне не верится, что это твоя лебединая песня, в том смысле, что это последняя песня в твоём творчестве.

Но Феликс уже не слышал слов мудрой совы, которая так хорошо разбиралась в стихосложении. Он сладко спал. Сова посмотрела на ёжика, покачала головой и отправилась по своим делам.

Конец сказания

Разбудила Феликса вечерняя прохлада. Он открыл глаза и понюхал воздух. Чувствовался аромат гладиолусов, флокс и немного грустное дыхание астр.

«Опять я задремал, – подумал Феликс, – и снова хочется кушать».

Он нашёл в траве грибок и впился зубами в его чернявую шляпку. В разгаре лета на такую еду он бы и не посмотрел, но теперь годилось всё. Например, этот жучок, который, на свою беду, устроился под грибным зонтиком завязать жирок после обеда.

За мусорным ведром Феликс нашёл кусочек вафельного стаканчика от мороженого и остаток недоеденного гамбургера. Но живот всё-таки не наполнился. Феликс решил проверить миску Пайка, может, смотритель подбросил туда что-нибудь вкусненькое. У кабаньего вольера ему вспомнился старый засохший жёлудь, которым когда-то угощала его кабаниха. Сейчас Феликс и от жёлудя бы не отказался, такой у него разыгрался аппетит.

Ёж семенил по дорожкам зоопарка и удивлялся царившей вокруг тишине. Странно, спать вроде ещё рано. Обычно, встречаясь с Феликсом, звериный люд громко его приветствовал, делился семейными новостями и интересовался событиями в мире. Но сейчас в клетках и вольерах было пусто. Ёж заглянул в вольер львов, чтобы перебраться парой слов с Юлиусом, но и здесь никого не было. Куда все подевались? Что бы это значило?

Ёж навострил уши: откуда-то раздавалось неясное бормотание. Прислушавшись, Феликс понял, что звуки доносились с поляны, где обычно проходил Большой сбор. Такие совещания, в которых принимали участие все звери – обитатели зоопарка, проходили не слишком часто. Только тогда, когда дело не терпело отлагательств, когда совместно нужно было решить какую-то проблему. При проведении Большого сбора обязательно выполнялось строгое правило: все птицы и звери перед собранием должны были хорошо поесть, чтобы у «больших» не появилось желание слопать «маленьких».

Может, в зоопарке случилось что-то чрезвычайное? Не сбежал ли из своей клетки Кикилемб – Большое Коварство? Феликс поспешил к месту сбора. Он добрался до Большой Поляны в тот момент, когда Юлиус начал свою речь:

– Уважаемые коллеги! Проблема, с которой поделилась с нами сова Вамбола, очень серьёзная. Здоровье нашего друга, признанного поэта зоопарка, в последнее время пошатнулось, если не сказать, сильно ухудшилось. Ёж Феликс болен! Очень болен! Если и дальше всё будет так продолжаться, мы никогда не узнаем, чем закончится история, о которой поведала сова.

Раздалось многоголосое оханье. Всех встревожило и опечалило это сообщение. А зайчиха Инес, львёнок Пауль и поросёнок Розали даже заплакали. С одной стороны, такая забота была Феликсу приятна. С дру-

гой – то, что все звери заметили ухудшение его здоровья, сильно беспокоило его. Он вышел на середину поляны и забрался на возвышение.

– Большое спасибо, друзья, за ваше внимание и сочувствие. Я бы хотел зачитать вам окончание моего последнего произведения. Пусть это будет память обо мне. Сова уже поведала вам о том, что случилось? История эта, в общем-то, фантастическая. Она рассказывает о том, что рядом с нашим зоопарком открылся людопарк. История заканчивается так:

Вход в людопарк для всех открыт.

Медведь-директор говорит:

– Друзья, запомните одно:

Кормить людей запрещено!

Не надо тыкать в них мороженым,

Не надо, дети, корчить рожи им!

Среди людей, нормальных с виду,

Есть вымирающие виды.

Вот этот дядя жёг отаву,

Уж поработал он на славу

И сотни гнёзд спалил с травой.

Гляди, волчонок, и не вой!

А вот семья: они по осени

Собак в безлюдном месте бросили,

И те страдали много зим.

Друзья, не подходите к ним!

*Вон тип – он очень любит сладкое.
Кот, не тянись за шоколадкою:
Он обезьян кормил, назло
Засунув в булку им стекло!*

*А вот – закрытые вольеры:
В них проживают браконьеры,
Они опасны и хитры.
Тигрёнок, здесь не до игры!*

*А те, на острове забытом,
Глушили рыбу динамитом.
Глядите издали, друзья,
Вас подпускать туда нельзя!*

*А кто ужастик любит – тем бы
Я указал на Марулемба:
Сидит – и нет его страшней.
Стыд – похитителю зверей!*

Тут все хором закричали:

– Правильно! Так ему и надо! Справедливо! Пусть знает!

Все громко аплодировали, копыта цокали, лапы стучали, крылья хлопали. А заяц Альберт кричал:

– Браво! Молодец, Феликс! Достоин своего приёмного отца! Прямо вылитая моя копия!

– Лебединая песня! – с чувством воскликнула сова, протирая запотевшие очки кончиком крыла.

Услышав её слова, лебедь Ханс грустно сказал:

– Что-то лебединое в этом поэте и правда есть. Жаль только, что его с нами скоро не будет.

– Я тебя никогда не забуду! – воскликнул павлин Паап, пришедший на собрание со своей женой и маленькими птенцами. – Поскольку мне тоже не чужда поэзия, я написал для тебя небольшое стихотворение:

*Куда бы хворь тебя ни завела,
Всегда с тобою два моих крыла!*

Что делать дальше?

Львица Юлия нахмурила брови:

– Что это за плаксивые настроения? Феликс помог нашему сынишке, когда у того очень сильно болели зубы. Так неужели он сам себя вылечить не может?! Скажи прямо, Феликс, ЧТО у тебя болит. Воробей Воробьёв сказал, что у него в Москве среди родственников есть немало известных врачей. Может, они вылечат твой недуг?

Воробьёв, сидящий на ветке рябины, гордо отсалютовал крылом:

– Так точно!

– А у меня есть связи с врачами из Америки, – заявила шимпанзе Пино. – В Центре по изучению космоса у меня тоже найдутся соплеменники. Для нашего друга Феликса мы готовы сделать всё.

– А разве не лучше посоветоваться с нашими? С дядей Мати и дядей Алексом? – спросила верблюдица Земфира. – Однажды у меня сильно заболел горб, и дядя Алекс нашёл клеща. Он вытащил его пинцетом, и у меня всё как рукой сняло.

* Мати Каал – директор Таллиннского зоопарка, Алексей Туровский – научный сотрудник зоопарка.

Феликс поднял лапу:

– Не надо ради меня так беспокоиться. У меня между иглами этих клещей полно, но меня они беспокоят так же, как вода беспокоит гуся.

– Фи-фи-фильтруйте свои слова, мой друг, – сказала гусыня Мийна. – Поверьте, это очень неприятное чувство, когда тебя поливают водой.

– Согласен, – кивнул головой Феликс. – Я просто хотел сказать, что клещи для меня не опасны. Просто в последнее время мне постоянно хочется есть. Голоден, как волк, хотя ем, как лошадь.

Волк Вольфганг в ответ на это что-то пробурчал. Услышав его слова, зайчиха Инес велела зайчатам прикрыть лапками свои ушки.

Лошадь Пржевальского, которая на самом деле была не лошастью, а конём и потому носила имя Иосиф, обиженно замахала гривой и фыркнула носом: по её мнению, у лошадей очень возвышенные манеры и выражение «ест, как лошадь» совершенно неуместно.

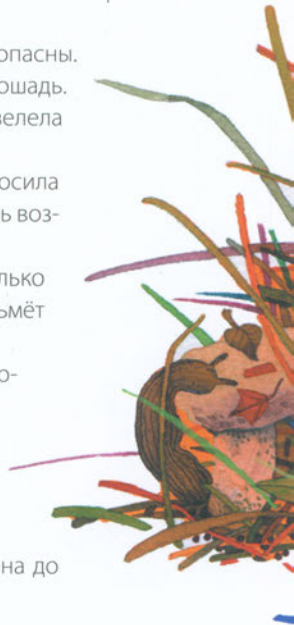
– И кроме того я всё время хочу спать, – признался Феликс, – через каждые несколько минут у меня глаза слипаются. Если так и дальше пойдёт, болезненная сонливость возьмёт верх и я вообще никогда не проснусь.

– От этого есть лекарство, – послышался чей-то бас. – Я принёс тебе в знак благодарности чудо-порошок, из которого моя хозяйка делает бодрящий напиток.

– Гектор! – обрадовался Феликс, увидев перед собой большого чёрного дога, который держал в пасти что-то похожее на пакетик в зелёной упаковке.

– «Люксус»! – с гордостью сказал Гектор и положил пакет перед Феликсом. – Когда моя хозяйка хочет вечером немного пободрироваться, она всегда варит себе крепкий кофе. Хоть она и не поэт, а учительница, ей тоже приходится много работать: иногда она до глубокой ночи проверяет ученические тетрадки. Кроме кофе ей ничего не помогает.

– Так ты, Гектор, нашёл свою настоящую хозяйку? – обрадовался Феликс.

– О, да! И в этом – твоя заслуга, – сказал дог. – Но на самом деле моё имя не Гектор. Я ведь – девочка и зовут меня Гермина. По фото, которое напечатали в газете, моя хозяйка меня нашла. И рыбка Гольда тоже нашла свою хозяйку. Она попросила передать, что встретилась со своим другом по имени Сильвер. Большинство кошек тоже обрели свои дома, а Жулик работает на таможне. Хотя голова у него не очень светлая, но нюх отличный, поэтому нарушители боятся его, как огня.

– Большое спасибо за гостинец! – поблагодарил Феликс. Он вонзил острые зубки в упаковку с кофе, которая сначала показалась ему крепкой, как камень, но как только Феликс проткнул фольгу, сразу стала мягкой. Ему не очень понравился терпкий чёрный порошок, который высыпался из пакета, но ради здоровья он решил терпеть.

– Я не уверена, что кофе едят, – забеспокоилась Гектор-Гермина. – Но, с другой стороны, он будет ещё крепче, чем растворённый в воде.

Все животные смотрели с умилением, как ёжик работал челюстями, пережёвывая кофейный порошок.

- От собак иногда бывает польза, – признал лев Юлиус.
- Пуп-пуп-пуп... – вдруг услышали звери.
- Что ты сказал? – испуганно спросила Гермина.
- Я ничего не говорил, – ответил Феликс чуть слышно. – Похоже, так громко стучит моё сердце.
- Да-да! – закричала Пино. – Я помню, матросы на том корабле, что привёз меня в Европу, говорили: слишком много кофе вредно для сердца.
- Ну, вот... – покачала головой Гермина. – Я хотела помочь Феликсу, а сделала ещё хуже.
- Надо заниматься гимнастикой, тогда с сердцем всё будет в порядке! – заявила зайчиха Инес. – Феликс, помнишь, как мы прыгали с тобой на утренней зарядке: лапы вместе, лапы врозь?
- Спасибо, – поблагодарил Феликс, сделав несколько прыжков. Кофе его возбудил, а зарядка подкрепила. – Большое спасибо всем. Не надо обо мне беспокоиться.
- Считаю собрание закрытым! – раскатисто заявил Юлиус. – Все по домам! Сегодня танцев не будет. Большое спасибо Гермине. До скорой встречи!
- Царь зверей проследил, чтобы закрытие собрания прошло по правилам, и затем обратился к Феликсу:
- Хорошо, что мы смогли тебя немного поддержать. Кстати, какие у тебя планы на сегодня? Охота на жуков или стихотворчество?
- Спать буду, – чистосердечно признался Феликс. – Ну, и от еды не отказался бы.

Неожиданное знакомство

Феликс вспомнил, что, уходя с собрания, он забыл заглянуть в миску Пайка. И хотя его глаза затуманивались сном, ёжик взял себя в лапы и решил зайти к зрителю.

*Что-то я не вижу Пайка.
Где ты, друг? Скорей залай-ка!
Мне бы хоть чуть-чуть колбаски,
Чтобы не спалились глазки!*

– напевал ёжик, семена по тропинке.

Дойдя до крыльца, Феликс остановился. Он знал, что зритель не сердится за то, что Пайк делится своей едой с другом, но ужинать, когда за тобой наблюдают, всё-таки не очень приятно – ни тебе причмокнуть, ни почавкать от удовольствия. То, что человеческого духа здесь не было, Феликс понял сразу, но зато он учуял запах какого-то неизвестного существа – вроде чужой, но одновременно чем-то знакомый. Ёжик решил разведать, в чём дело, прежде чем приблизиться к домику зрителя.

– Всё в порядке, Феликс, – раздался вдруг над его головой нежный голосок.

На всякий случай ёж свернулся в клубок. Зайчиха Инес как-то рассказывала ему, что у каждого живого существа есть свой ангел-хранитель. Но Феликс до сих пор не встретил ни одного ангела, поэтому не знал, как они выглядят и стоит ли опасаться крылатого охранника.

– А у тебя случайно нет когтей и острых зубов? – спросил ёжик, глядя из-под иголок в сумеречное небо.

Ангел тихо засмеялся:

– Зубы и когти у меня есть, но к тебе они не имеют никакого отношения. Странно, что ты меня не узнаёшь, ведь мы частенько встречаемся с тобой по ночам. Правда, нас не знакомили, но ты ведь знаешь летучую мышь Ванду? Это я. Меня послал воробей Воробьёв. Он всё же слетал к дяде Алексу и рассказал ему твою грустную историю.

– Правда? – оживился ёжик. – Дядя Алекс – один из немногочисленных людей, кто знает, что звери умеют говорить.

– Это точно, – подтвердила Ванда. – Он всегда к нам очень внимательно прислушивается.

– Значит, дядя Алекс знает о моём ужасном положении? – спросил Феликс.

– Знает, знает! – подтвердила Ванда. – Он сказал Воробьёву, что у тебя нет причин беспокоиться о твоём большом аппетите. Ещё он сказал, что все ежи ДОЛЖНЫ осенью много есть и запастись жирок под колючками. Таков закон природы. Не беспокойся и насчёт сонливости. Это тоже обычное явление.

– Слушай, Ванда, ты и правда мой ангел-хранитель! – воскликнул Феликс. – Спасибо тебе огромное!

Ванда засмеялась и на лету ловко поймала ночную бабочку:

– А вот так, как я, ни один ангел не может. Но у меня есть ещё одна хорошая новость. Лев Юлиус приказал всем зверям оставлять часть своих пайков для тебя. Это ведь хорошая новость?

– Фантастическая! – воскликнул Феликс. – Здорово! Но я всё же загляну в миску Пайка.

– А я думала, что у миски чавкал именно ты, – удивилась Ванда. – Ну что ж, приятного тебе аппетита и спокойной ночи.

– А ведь у миски и ПРАВДА я, – бросив взгляд в сторону будки Пайка, в недоумении произнёс Феликс. Потому что из миски Пайка действительно, причмокивая от удовольствия, ел ЁЖИК. Чёрный носик, приглаженные иголки.

Это кто стоит у миски?

Это копия моя!

Неужели

В самом деле

Существуют ДВА меня?

– с ходу сочинил Феликс.

– Приятного аппетита МНЕ! – добавил он.

– Фр-фр... – фыркнуло его второе Я и сердито добавило: – Подожди, сейчас доем, и тогда поговорим.

– Но это МОЯ миска! – возмутился Феликс. – Вернее, миска моего друга Пайка. И он разрешает ею пользоваться только МНЕ. А ты, который Я, тоже знаешь Пайка?

Второе Я ничего не ответило, потому что было поглощено едой. А немного погода пробурчало:

– Не знаю я никакого Пайка и знать не хочу! А ты кто такой?

– Ёж Феликс! Кто же ещё? Только вот не могу понять, как это я раздвоился... Миска пустая, а ведь я к ней и не притронулся.

– Это твоя проблема. Ни один порядочный ёж не оставит еду без внимания. Но ты, видно, ещё молодой, совсем зелёный. Дай-ка я на тебя посмотрю, – сказала второе Я, внимательно рассматривая Феликса. – Третья иголочка справа немного изогнута и чернее других. Теперь покажи хвост. Ой, пять шерстинок завиваются... Ах, так это ты, мой дорогой сынок, Суповая Тарелка, ты жив!

Феликс почувствовал, как в его нос уткнулся большой чёрный нос пуговкой, и не мог ничего сказать. Наконец он промолвил:

– Извините, меня зовут Феликсом. Я – поэт, приёмный сын зайцев и друг льва. Я попал младенцем в клетку к Инес и Альберту, и они стали мне родителями. Пайк иногда зовёт меня Колючим Клубком, но, повторяю, моё имя Феликс.

– Но для меня ты – Суповая Тарелка! Мой младший сын! Весной у меня родились три сына. Пока я занималась с твоими старшими братьями, тебя, моего младшенького, унесли вместе с охапкой сена. Моего малыша с нежными иголочками, которого я только что из-за его упитанности и округлости назвала Суповой Тарелкой. Дай-ка я тебя понюхаю, сынок!

– Так Ты – это не ВТОРОЙ Я? Ты – это моя МАМА?! – удивился Феликс. – Тогда я не обижусь на тебя за то, что ты дочиста вылизала миску Пайка.

– Да, я – твоя мама! Цветочный Пятачок, – представилась ежиха. – Когда я услышала, что тут, где ты родился, а потом пропал, находится зоопарк, я подумала, что какой-нибудь верблюд съел тебя вместе с сеном. Ой, как я переживала!

– Да что ты! Верблюдица Земфира – мой друг!

Как всё странно получается! Теперь у него есть настоящая мама. Только вот называться Суповой Тарелкой ёжику было не слишком приятно. Чуть подумав, он решил использовать это имя в качестве фамилии, если ему это понадобится.

Конечно, маме и сыну было о чём поговорить в этот вечер. Слушая о приключениях Феликса, мама Цветочный Пятачок в изумлении ахала и качала головой: её сын стал настоящим героем. А от своей мамы он узнал об особенностях жизни ежей, о которых, конечно же, ему не могли рассказать ни лев Юлиус, ни мудрая

сова Вамбола, ни даже большой знаток зверей дядя Алекс. Потому что у ежей много житейской мудрости, навыков и маленьких хитростей, о которых знают только они.

Вот, например, «волчий» аппетит Феликса в последнее время объяснялся довольно просто – это, оказывается, природный инстинкт. Пришла осень, созрели плоды и ягоды. А в Таллинне, который, как мы знаем, находится в Эстонии (а Эстония – в Евразии, а Евразия – на планете Земля), вслед за красивой золотой осенью следует холодная зима. В зимние месяцы землю покрывает снег, а водоёмы – лёд. Поэтому некоторые звери были бы всегда голодными, если бы не впадали в зимнюю спячку. Попробуй уснуть на голодный желудок! Поэтому перед зимним сном ежи, медведи, барсуки и многие другие звери должны накопить толстый слой подкожного жира. Это поможет им перезимовать.

Теперь, благодаря распоряжению льва Юлиуса, у Феликса было достаточно еды, которой он мог поделиться с мамой. Феликс в последнее время округлился до такой степени, что и правда напоминал суповую тарелку. Самыми вкусными лакомствами он потчевал свою маму. Тёмная мордочка Цветочного Пятачка светила от умиления и гордости за своего замечательного сына.

Зайчихе Инес мама ежиха в знак благодарности подарила пять своих самых длинных иголок, которыми та стала вязать тёплые пушистые носочки.

Тсс-с, ёж Феликс спит...

Между тем дни становились всё прохладнее, а воздух по ночам – всё холоднее. Берёзовые, кленовые и липовые листья пожелтели, потом – покраснели, с каштанов падали колючие колобки, похожие на маленьких ежей. Но как только их скорлупа трескалась, из неё выкатывались блестящие коричневые плоды. Приходящие в зоопарк дети собирали каштаны и мастерили из них симпатичных зверушек – собак, жирафов и даже ежей.

Одного такого каштанового ежа Феликс нашёл под воротами зоопарка. Скорее всего, кто-то уронил его, уходя домой. Теперь у Феликса была своя игрушка. Феликс спрятал её в кучу листьев, которые сгрёб за собачью конуру, чтобы соорудить себе зимнее жильё. Мама Цветочный Пятачок передала сыну все ежиные премудрости и поспешила в лес Рокка-аль-Маре, где собиралась перезимовать. Феликс убеждал её, что лучше всего зимовать в зоопарке, где много друзей и знакомых, но ежиха считала, что когда ночью трубят слоны, а днём ухают птицы, без снотворного не обойтись.

– До встречи весной! – помахала лапкой на прощание Цветочный Пятачок и засеменила в сторону леса.

Перед зимней спячкой Феликс решил попрощаться со всеми своими друзьями. Конечно, он не смог обойтись без стихов.

*Ужом ты будь или ежом –
У всех свой нрав и честь.
И нужно каждому притом
Вздremнуть и что-то съесть.*

– продекламировал он в тропическом домике.

*Вот и приходят сны –
Прощайте до весны!*

– помахал лапкой птицам Феликс.

*Час настает, прощайте, львы!
В мой зимний сон придёте ль вы?*

*Ведь если рядом – царь зверей,
Я стану спать куда смелей!*

– крикнул Феликс у львиного вольера.

Инес и Альберту он не стал громко кричать, потому что у них появилось потомство и он не хотел будить маленьких зайчат. Вместо этого он вполголоса прочитал:

*Зайчата, я тихо приветствую вас.
Навеки со мною изюминки глаз.
Я хвостики ваши увижу во сне,
И добрая Инес пригрезится мне!*

Пайку Феликс тоже хотел сочинить длинное и сердечное стихотворение, но пёс сказал:

– Не надо из-за меня напрягаться, лучше сохрани энергию для зимы. Сделаем так: для меня ты придумаешь стихотворение весной, когда проснёшься. Мы тут с Вамболой подумали и решили послать тебя в школу. Чтобы ты выучился читать-писать и мог все свои стихотворения записывать. Тогда бы и люди поняли, что мы – не мягкие пушистые игрушки, с которыми приятно поиграть, а потом – взять и бросить. Тогда бы они поняли, что у нас есть душа и мы привязываемся к людям. Ведь мы – живые!

– В школу? – удивился ёж. – Вы и правда считаете, что я смогу научиться читать и писать? Тогда, наверное, я буду первым учёным ежом!

Сова утвердительно кивнула головой:

– Время пришло. Кстати, недавно в газете было сообщение: большого мошенника Марулемба Яурама наказали за спекуляцию телевизорами, компьютерами и другими вещами. Но вот страдания зверей и птиц даже не учли. Да, чуть не забыла, Гермину забегала и оставила для тебя подарок.

Хозяйка Гермины связала для Феликса тёплую шапку с синими полосами. К сожалению, она не поверила своей любимой собаке, что освободителем зверей, птиц и рыб был маленький ёжик Феликс, а вовсе не господин Феликс Ежов. Поэтому шапка оказалась слишком большой для Феликса.

– Но я могу использовать её как спальный мешок. Такой тёплый шерстяной комбинезон пригодится зимой, как ложка к обеду, – решил Феликс.

Он забрался в шапку и зарылся вместе с ней в большую кучу листьев. А игрушечного каштанового ёжика, которого он назвал Соней-Засоней, Феликс уже давно там припрятал.

– Хорошей осени, друзья! – сказал Феликс, помахал лапкой и скрылся в листьях.

– Увидимся весной! – крикнул ему вслед Пайк.

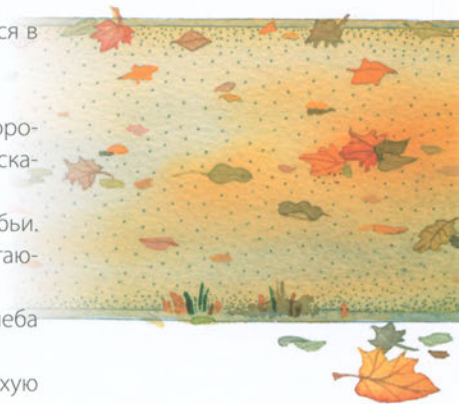
– И до чтения-писания! – добавила сова. А шумной толпе семейства Воробьёвых, которое вернулось с турнира по метанию перьев, она строго сказала: – Тсс-с, ёж Феликс спит!

– Феликс спит... Тсс-с... Спит... – поспешили оповестить друг друга воробьи.

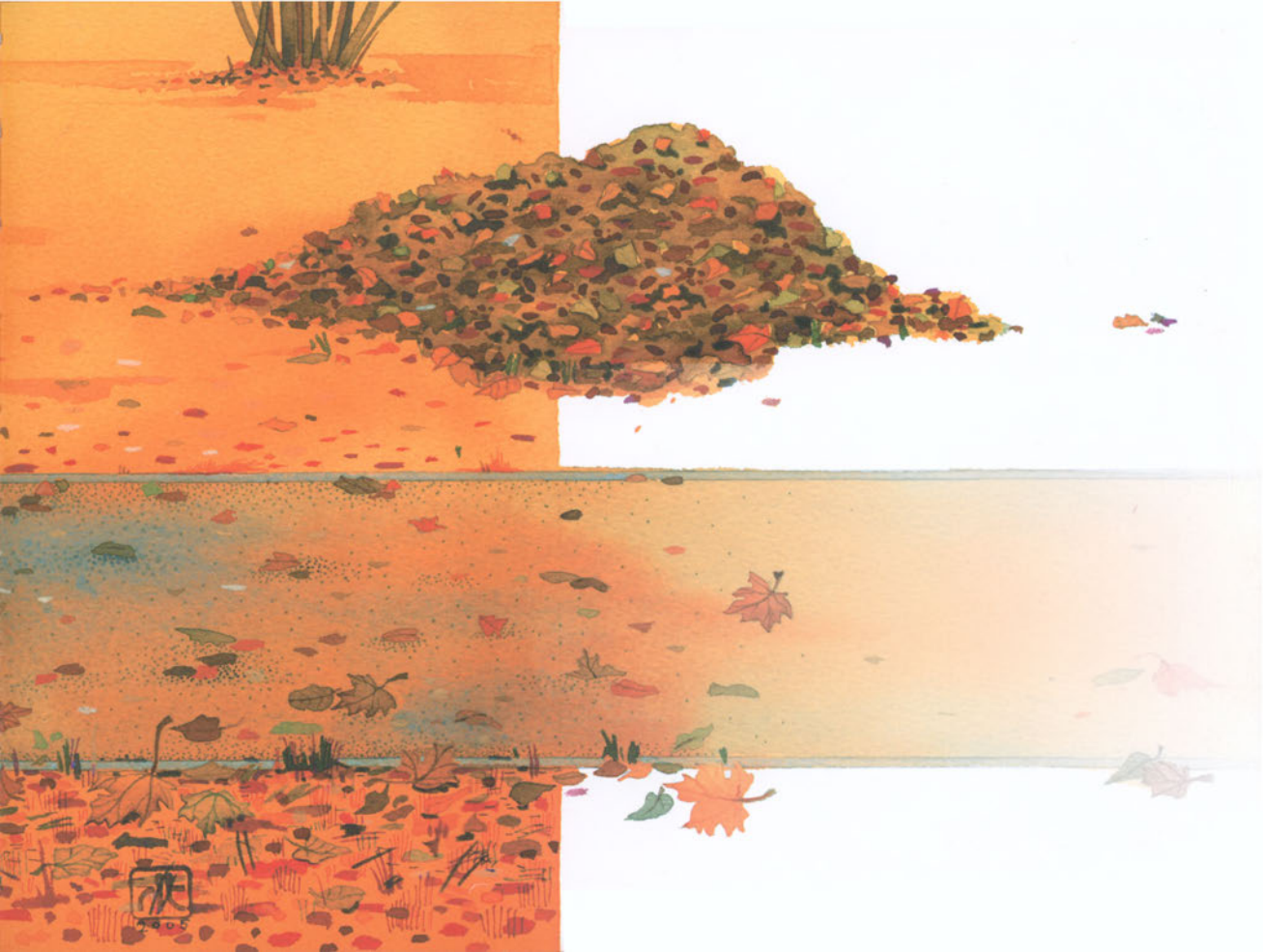
– Ёж Феликс спит! – сообщила живущая в зоопарке пара лебедей улетающим на юг собратьям.

– Ёж спит... – передали лебеди плывущим вместе с ними облакам. А с неба спускались первые снежинки – большие, медленные, задумчивые.

Осень, полная забот, постепенно превращалась в богатую снегом и тихую зиму.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ёжик Феликс и гномик Керли

Поговорим о гномиках

В рождественские дни, когда все хорошие дети вывешивают свои носочки на подоконники, у гномиков очень много работы. Ведь на конфетном складе Санта-Клауса готово много вкусной всякой всячины. И всё это надо доставить ребятам вовремя. А гномики, если кто не знает, очень маленького роста, один небольшой мандарин для них так же велик, как для младенца – большая жёлтая тыква, что стоит на шкафу в бабушкиной кухне. А ведь ещё надо забраться на пятый этаж, тихонько залезть на подоконник и наполнить конфетами, орехами, мандаринами и другими вкусностями вывешенный носочек. И всё это сделать тихо-тихо, чтобы никто ничего не услышал и не увидел.

Словом, работы очень много. Но никто никогда не слышал, чтобы гномики недовольно ворчали по этому поводу. Их личики всегда светятся улыбкой и щёчки краснеют, как яблоки на верхушке дерева. А всё потому, что гномики считают, что выполняют самую приятную работу на свете – дарят радость детишкам.

Конечно, без хорошей подготовки справиться с этой замечательной, но всё-таки тяжёлой работой нельзя. Поэтому Санта-Клаус каждым летом устраивает для гномиков спортивный лагерь, где они тренируются катать яблоки, собирать орехи и поднимать тяжести в виде шоколадок. Кроме того гномики должны уметь ловко лазать, бегать, прыгать, кататься на лыжах и даже плавать – поди знай, что может пригодиться. Один близорукий гномик угодил в кастрюлю с киселём, остывающую на подоконнике. Даже не хочется думать, что произошло бы, если бы гномик не умел плавать и не подплыл к стенке кастрюли.

Поэтому, когда малыши пристают к взрослым с вопросом, почему гномики не приносят подарки летом, они получают простой ответ: летом гномики заняты подготовительной работой. Потому и подарков нет – даже если на подоконнике будут висеть носочки всей семьи, даже если ты будешь самым послушным ребёнком на свете.

В зимние рождественские дни гномики стараются не попадаться людям на глаза. Поутру на заснеженном подоконнике видны только их крошечные следы, будто воробушек пробежал. А всё потому, что

сапожки у гномиков непростые, со специальной подошвой, которая оставляет на снегу следы, похожие на воробьиные. (Ведь когда дело доходит до прыгания по подоконникам, с воробьями в ловкости не поспоришь.) Вот и получается: следы есть, а гномиков и в помине нет – они сделали свою работу и давно отдыхают в своих уютных кроватках.

Тут надо сказать, что каждый гномик перед сном выпивает кружку тёплого молока с мёдом. Ведь за здоровьем надо хорошенько следить, особенно зимой, когда начинается самая напряжённая работа. Чтобы не мешал дневной свет, гномики обычно натягивают свои колпачки почти до самого носа и сладко спят до вечерних сумерек. А с их приходом начинается ещё одна хлопотливая рабочая ночь.

Конечно, с такой работой справляются только взрослые гномики – выносливые и хорошо тренированные. А их детки в это время гостят у своих дедушек и бабушек и обучаются у них всяким хитростям, которые пригодятся им во взрослой жизни.

Вы спросите, а чем же занимаются в это время гномики-мамы? Ну, они тоже много работают в рождественские дни. Они надевают длинные штаны – такие же, как носят гномики-папы, чтобы было удобно залезать на верхние этажи. Потому-то их и не различить. Даже если столкнуться с ними нос к носу. Но этого, правда,* никогда не бывает.

Гномики считают, что для их работы важны не только мускулы и ловкость. Тут главное – хорошее настроение и желание дарить радость ребятишкам. Если у гномика плохое настроение (а такое хоть и редко, но бывает), ему даже близко к детям подходить не разрешается. Он выполняет только простую домашнюю работу: убирает снег, подметает пол, чистит гуталином сапожки. Таким простым делам плохое настроение – не помеха.

А вот испортить настроение детям очень легко. Только представь себе: сидишь ты в рождественское утро и ешь кашу, а за окном – маленький человечек со злым лицом наморщил лоб. Сразу каша комом в горле застревает. Непонятно, из-за чего гномик сердится: то ли из-за того,

что ты ешь кашу, то ли из-за того, что ты не можешь её проглотить за три минуты. Но как только ты задумаешься, тут уже сердится мама: «Опять за столом играешь! Разве ты не знаешь, что гномики обо всём докладывают Санта-Клаусу?» Мама ругается, ты ей перечисляешь, вот и прокрасилось в дом плохое настроение.

Сердитый гномик к тому времени уже скрылся, и в окно смотрит синичка в жёлтой жилетке, для которой зимой мама подвешивает на ниточке кусочек сала. А мама не замечает голодную синичку, и та улетает к большой берёзе, чтобы там упрекнуть ни в чём не виноватых снегирей. Так плохое настроение и путешествует от одного к другому. Так что если у тебя в носочке с подар-

ками окажется испорченный мандарин или засохшая шоколадная конфета, будь уверен: тут без гномика с плохим настроением не обошлось. Поэтому работа гномиков-мам очень важна: кроме других забот они следят за тем, чтобы гномики-мальчики и гномики-девочки всегда улыбались и чтобы их глазки радостно светились.

Гномик Керли

Но, конечно же, среди гномиков есть и такие, которые не могут дождаться, когда закончатся школьные занятия. Как только они научатся жонглировать орехами и различать конфеты по сортам, они тут же хотят во всём участвовать и всё время донимают своих родителей, чтобы те взяли их с собой в рождественские рейды. Одной из таких непосед была малышка Керли, которую в Стране Рождества так и звали – шалунья Керли.

Она была довольно смыслёной девочкой, и в школе её часто хвалили. Она сразу запомнила, в каких конфетках прячется марципан, а в каких – мармелад. А уж перекатывать яблоки и мандарины она умела даже носом. Ну, и как часто бывает, постоянные похвалы сделали Керли немного заносчивой.

– Зачем мне математика? Я же никогда не положу в один носок больше одной-двух конфет, – сердито ворчала она. – Зачем учить географию или иностранные языки, если мы никогда не разговариваем с людьми?.. Возможно, раньше нам это было нужно. Но сейчас столько умных машин изобретено для всякой всячины. Если в голове есть хоть что-то, то полгода в школе вполне хватит.

И когда Санта-Клаус вместе со взрослыми гномиками покинул Страну Рождества, Керли тайно забралась в большой мешок с конфетами и в нём добралась до пункта назначения.

В первый же вечер ей удалось затащить на подоконник одного большого дома несколько конфет. Но карабканье вверх-вниз так её утомило, что она не могла даже пошевелить ни руками, ни ногами. Наконец

она немного подумала, развернула фантик и откусила от конфеты маленький кусочек шоколада. Такой поступок, конечно же, противоречил всем правилам. (Ну скажите, кому приятно найти в своём носочке конфету со следами чьих-то зубов, пусть даже очень маленьких!) Шоколад придал Керли сил, и она забралась на номерной знак стоящей во дворе машины, чтобы немного отдохнуть. Это, кстати, тоже было не по правилам, но малышка надеялась, что об этом никто не узнает.

– К тому же я даю слово, что это в первый и последний раз! – оправдывалась перед собой Керли. – Ведь эта машина стоит и никуда не едет. Вот сейчас отдохну немного... Ой, ой, помогите!..

Стоящая машина вдруг превратилась в едущую, причём едущую довольно быстро. А если уж быть совсем точным, то можно сказать, что машина стремительно набирала скорость. Керли крепко ухватилась ручками за номерной знак и закрыла глаза, чтобы в них не попали клубы снега, летящие из-под колёс.

– Если останусь в живых, всегда-всегда буду слушаться маму и папу, – пообещала себе малышка Керли, – а также дедушку, бабушку, учительницу и все-всех-всех!..

Перед поворотом машина замедлила ход и, въехав в открытые ворота, остановилась.

– Если я выживу, – начала Керли новое обещание, прыгнув с машины, – я буду слушаться ПОЧТИ всех!

Машина остановилась на маленькой площадке, освещённой фонарями и окружённой деревьями и кустами. Из машины вышел человек. Он открыл багажник, достал большой мешок, закинул его за спину и направился к стоящему неподалёку домику. Поспеть за ним Керли не могла, она села на невысокий сугроб снега и с огорчением осмотрела свою испачканную одежду. Штаны, курточка и шапочка с помпоном были мокрыми и грязными.

– О, боже! – закричала она. – Я – не гномик, а какая-то замарашка, хотя перед Рождеством так говорить нельзя. Если бы я сейчас была дома, я бы бросила свою одежду в стиральную машину и залезла бы в горячую ванну. Ой, если бы я только знала волшебное слово, то тотчас отправила бы себя домой. И где

вообще находится мой дом? Знаю, что он на Северном полюсе. А где этот полюс? Как туда добраться? Пойду спрошу у водителя машины.

Но водитель уже завёл мотор, и машина поехала. Керли, конечно же, не могла за ней угнаться. Она со слезами смотрела вслед удаляющейся машине и тихонько охала:

– Вот тебе и раз! Я оказалась в странной ОО-стране, о которой в школе ничего не говорили. И правда, вдали сверкали три буквы – «ЗОО».

Три странные буквы

К сожалению, в первом полугодии в школе учат не все буквы, поэтому Керли не знала, как прочесть первую букву. Она напоминала цифру «3». А вот буква «О» была одной из первых букв букваря, которую запомнила Керли. И такие короткие слова, как «тот», «кот» и даже имя «Отто», Керли могла прочитать сразу. Но из этих трёх сверкающих букв ей никак не удавалось сложить такое короткое слово. Если это цифра 3, то что она означает: три Окна? три Орла?

Вдруг из кустов донёсся топот и громкий кашель.

– Чужой на нашей территории! Чесслово! Совершенно чужое существо! – кричал какой-то зверь, похожий на собаку с чёрной спиной и жёлто-белой мордочкой. Он остановился перед Керли и поднял переднюю правую лапу. И хотя зверь был гораздо больше малышки Керли, она не испугалась, так как знала, что собаки не сердятся, учуяв запах гномиков. Пёс деловито и основательно обнюхал Керли и произнёс довольно дружелюбно:

– Похож на человеческий запах... Кто ты такая и что делаешь на нашей территории?

– Я – гномик Керли. Я попала сюда случайно из Страны Рождества и потерялась. Похоже, я оказалась в странном месте, – произнесла плаксиво Керли.

– Странное место? Ну, здрасьте! Наш зоопарк, по-твоему, странное место? У нас тут, между прочим, современный зоопарк со всеми удобствами, малышка.

– А-а, – протянула Керли, – получается, что здесь живут три зверя на букву «О»? Ой, как здорово!

– Не три «ОО», а «ЗОО». Понимаешь? «ЗОО» – это «ЗООПАРК»! Здесь живут звери из тундры, джунглей, пустынь и многих других мест. А символ нашего зоопарка – рысь! Слышала что-нибудь о таком звере?

Керли отрицательно покачала головой.

– Ты ничего не знаешь про рысь? От неё немного пахнет кошкой, но в общем рысь – весьма элегантный зверь, правда, довольно жестокий. И это ещё мягко сказано (пусть это останется между нами). Учёные

сотрудники зоопарка говорят, что ни одного зверя нельзя называть плохим, мол, каждый зверь имеет право на собственный образ жизни. В каждой клетке и в каждом вольере свой запах, и, честно говоря, некоторые из них для меня довольно неприятные. Кстати, меня зовут Пайк Урристе. И я охраняю зоопарк. Но все зовут меня просто Пайк. И ты можешь звать меня так.

– Получается, что зоопарк похож на тюрьму? – спросила малышка Керли. – Я слышала, что в тюрьму сажают тех, кто сделал что-то плохое. Значит, все эти звери – преступники? А ты стережёшь их, чтобы они не убежали из клеток?

– Ты как с Луны свалилась, – услышала она в ответ. – В зоопарке о зверях заботятся, и они живут здесь лучше, чем на природе. Некоторые виды животных сохранились только благодаря зоопаркам. Но ты, конечно, слишком мала, чтобы понять такие вещи. Приходи сюда завтра утром. Дядя Алекс устраивает для детей экскурсию. А сейчас зоопарк закрыт. Увидимся завтра.

– Но я даже не знаю, где провести ночь, – всхлипнула Керли.

– Вот незадача... – покачал головой пёс. – Что же мне с тобой делать? У меня тут много друзей: слон Аксель, лев Юлиус, волк Вольфганг. Но, боюсь, их вольеры – неподходящее место для маленькой девочки.

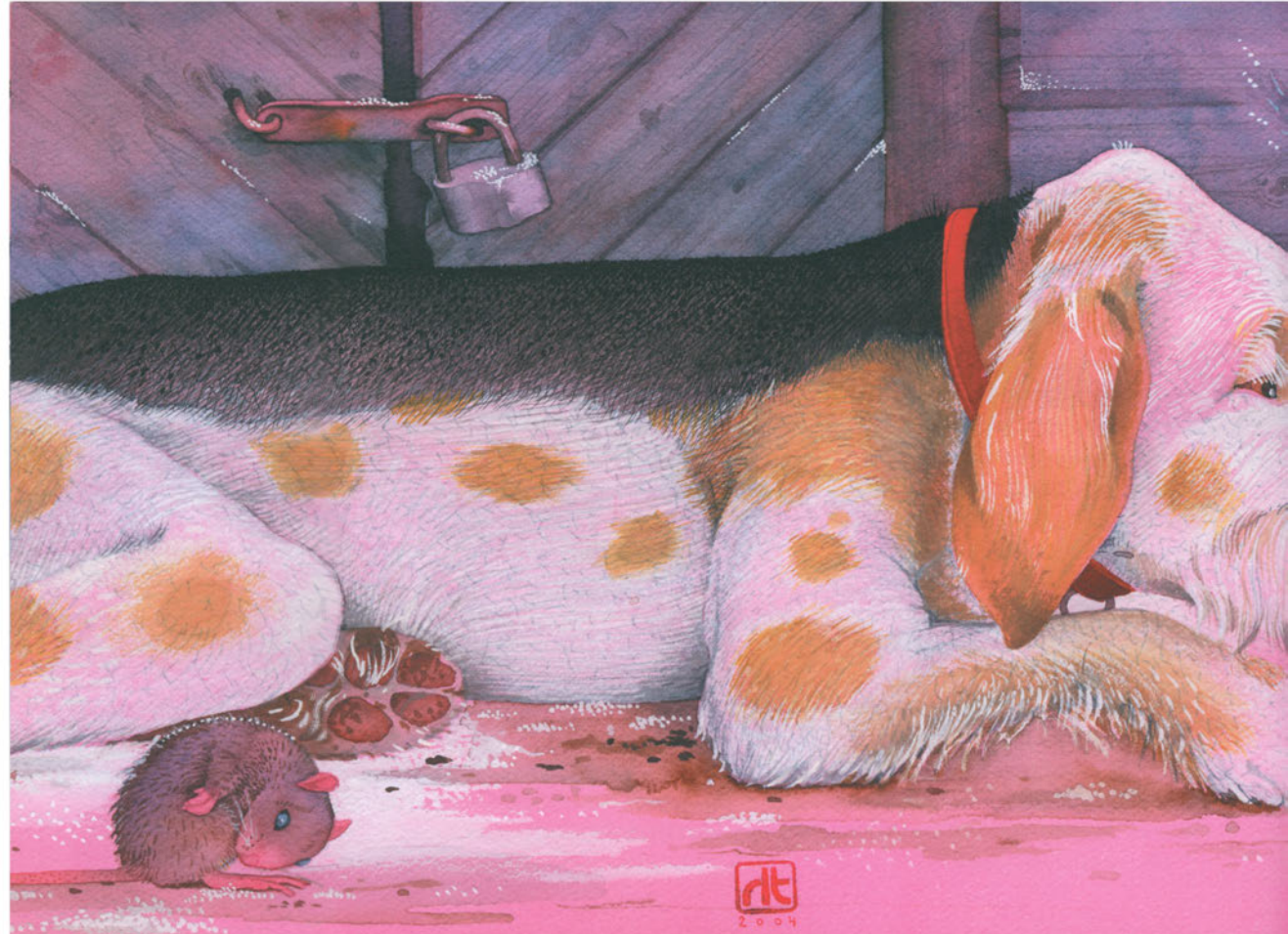
– Нет-нет, в вольер и в клетку я не пойду! – испугалась Керли. – Разве здесь нет таких зверей, которые не должны жить в клетках?

– Ну, есть у нас тут, так сказать, свободные художники – голуби, вороны, вороны. Время от времени в зоопарке ночует серая мышь Роберта. По выходным дням она наведывается на рынок, а снять номер в отеле ей жадность не позволяет. А ещё у нас есть гражданин мира – ёжик Феликс, мой самый лучший друг. Правда, сейчас он в зимней спячке. Вот он бы с удовольствием пустил тебя на ночлег, но он спит, глубоко зарывшись в снег.

– Не хватало ещё, чтобы я спала в сугробе! – фыркнула Керли.

Пёс покачал головой:

– Тогда идём со мной в дом зрителя. Дядя Вальдек – гостеприимный человек, он тебя не прогонит.

– Ой, нет! – закричала малышка. – Людям я ни за что на свете не могу показываться! Против тёплого домика я не возражаю, но не с человеком внутри.

Пайк задумался.

– Какое ты всё-таки странное существо... Людей видеть не хочешь, а против человеческого к себе отношения не возражаешь.

Пёс сел и почесал задней лапой за ухом. Чесавшая ухом лапа вдруг замерла, и Пайк воскликнул:

– погоди, погоди, я знаю, что делать! У нас тут есть интересные личности. Идём, покажу, где они живут!

Гость из Страны Сказок

Бетти открыла глаза и почувствовала – что-то не так. Вроде бы ночь как ночь – не слишком жарко, но и не так уж холодно. Припрятанная с вечера половинка банана никуда не делась и по-прежнему находится в уютом месте. Её муж, довольно упитанный Пино, лежит рядом, сопит себе и видит сладкие сны, уверенный в том, что его ужин надёжно спрятан.

Бетти села и принялась изучать окружающий мир. Игрушки лежали на месте, качели безвольно свесились с ветки дерева, миска стояла у края клетки. Но рядом с ней кто-то копошился.

– Мышь Роберта! – закричала Бетти. Пино вскочил и, приняв угрожающий вид, спросонья закричал:

– Кто?.. Что?.. Где?.. Когда?..

И шимпанзе ринулись к своей миске. Но перед ними стояла не знакомая мышь Роберта, а малюсенький человечек. Ма-лю-сень-кий... Таких маленьких людей в зоопарке ещё не видели.

– Здравствуйте! – сказал маленький человечек. – Скажите, пожалуйста, где тут север?

Шимпанзе обменялись удивлёнными взглядами.

– Север? – переспросила Бетти. – Известно, где – на дне миски*. По крайней мере, вечером это было ещё так.

Маленький человечек внимательно рассмотрел миску и произнёс жалобным голосом: – Отсюда я точно домой не попаду...

– А что ты делала с нашей миской, если ты даже не знаешь, где её дно? – допытывался Пино, глядя на человечка исподлобья.

– Извините, пожалуйста, я умывалась.

– Умывалась?!... – лицо Пино вытянулось. – Слышишь, Бетти, этот миничеловек пришёл умываться в нашей посуде!

* В эстонском языке слова «север» и «дно» звучат и пишутся одинаково – «põhi».

– Тоже мне, чистюля! – фыркнула Бетти.

– Вот-вот! Я всегда думал о том, до чего доведёт людей желание постоянно мыться. Некоторые до того домылись, что все смылились, их и в очках теперь не разглядишь, – намекая на Керли, сказал Пино.

– Представь себе: если работница зоопарка Имби смоет себя дочиста, кто тогда будет носить нам бананы? – покачала головой Бетти.

– Да, надо срочно предупредить всех зверей в зоопарке, что началась эпидемия чистоты. Слон тогда станет размером с мышь. А что уж говорить о еноте-полоскуне? Его тогда и в микроскоп не разглядишь, – произнёс Пино. – Жаль, что ежа Феликса сейчас нет, он бы обязательно что-нибудь придумал!

– Извините, у вас есть полотенце? – попыталась перевести разговор на другие рельсы Керли.

Бетти засмеялась:

– Полотенце! Вы только подумайте!

– Послушайте, если вы не знаете, что такое полотенце, то какие же вы полулюди?! – возмутилась малышка Керли. – Посмотрите, до чего доводит лень умыться. Некоторые из вас такие чёрные, что похожи на мартышек.

Бетти и Пино сердито уставились на неё.

– Вообще-то это слово для нас, представителей человекообразных обезьян, звучит довольно обидно. Мы – шимпанзе, если ты знаешь, что означает это слово, – произнесла Бетти обиженно.

– Звучит знакомо, – вздохнула Керли. – Но я ещё очень мало знаю, ведь я – ещё очень маленький гномик. И я потерялась. А в таком возрасте гномики вообще не могут покидать Страну Рождества.

– Да, да... – задумчиво протянула Бетти. – Все мы когда-то что-то теряли...

Перед погрустневшим взором обезьян промелькнули пёстрые цвета джунглей. Их большие ноздри уловили сладкий запах сочных фруктов, а в чутких ушах раздались таинственные звуки тропического леса. Бетти встряхнулась, чтобы избавиться от грустных мыс-

лей, улыбнулась, подняла гномика и прижала к груди.

– Вот, это моё полотенце. Ты можешь подсушиться в моей шерсти, – разрешила она. – Не сердись, что мы не можем организовать тебе достойный приём. Мы не знаем, как надо обращаться с гномиками. В зоопарке их пока никто не видел.

Сердце обезьяны под волосатой грудью стучало мягко и приветливо, и малышка Керли почувствовала, как её глаза медленно закрываются.

– Я ужасно устала, – призналась она. – Я могу у вас немного поспать?

– Ну, конечно! – хором воскликнули обезьяны. – Мы тоже вздремнём, а то не досмотренный до конца сон портит рабочее настроение на весь день.

Бетти протянула Керли половинку банана:

– Этот фрукт придаёт силу и энергию.

– У меня никогда в жизни не было такого большого плюшевого зверя, – засыпая пробормотала Керли и опустила голову на широкую грудь шимпанзе.

Вишни и вирши

Гномики, как мы уже говорили, любят после рабочей ночи в Рождество как следует выспаться. Керли не была исключением. Но спать на мохнатой груди обезьяны было не совсем удобно, к тому же шимпанзе – весьма подвижные и непоседливые животные. У Бетти и Пино было много хлопот, потому что кроме своих обезьяньих дел они читали лекции посетителям зоопарка и с удовольствием учили их, как корчить рожицы, чтобы выглядеть красивыми и интеллигентными. Стоящие за оградой клетки люди в ответ радостно строили гримасы и выглядели совершенно счастливыми.

– Боже мой, какие же они неуклюжие! – участливо говорила Бетти, глядя на зрителей. – Моя бабушка частенько рассказывала, как они потешались над теми обезьянами, кто подражал людям и старался ходить на задних лапах. Что и говорить, это и правда выглядит довольно глупо. Ты только посмотри на этого мужчину: шерсти на голове нет, нос, как помидор, красный. Он, наверное, и по деревьям-то лазить не умеет.

– Да уж, действительно печальное зрелище, – подхватил Пино.

– Но у людей есть то, чего нет у обезьян. У них есть Рождество, – задумчиво сказала Бетти. – Керли сказала, что гномики приносят людям всякие сладости. Кладут в носочки конфеты, яблоки, апельсины...

– Это нечестно! – возмутился Пино. – Я тоже хочу конфеты, яблоки и апельсины. А носки пусть себе оставят!

Когда под вечер Керли проснулась, шимпанзе сказали ей, что неплохо было бы и в зоопарке праздновать Рождество. Керли подумала и ответила:

– Конечно, вам тоже надо устроить Рождество. Только вот я не знаю, смогут ли гномики принести сладости тем, у кого нет носочка. Но организовать рождественский вечер с подарками мы бы точно могли.

– Рождественский вечер? – переспросила Бетти. – Это что такое?

– Ой, это замечательное мероприятие, – ответила Керли. – В рождественский вечер все друга любят, едят вкусную еду, поют рождественские песни и получают от Санта-Клауса подарки. Но чтобы получить подарок, нужно спеть песенку или рассказать стишок. А те, у кого есть талант, рассказывают вирши собственного сочинения.

– Погоди-ка, какие вишни? – спросил Пино. – Что-то я не видел в нашем зоопарке ни одного вишнёвого дерева.

Керли засмеялась:

– Не нужны ВИШНИ, нужны ВИРШИ. Так в старые времена назывались стихи.

– А-а, так речь идёт о стихах? – сказала Бетти. – Мы знаем, что это такое. Ёж Феликс нам целое лето их рассказывал. Про горностаю, мух, слонов, тюленей, львов, волков и про нас тоже. Только вот наизусть я их не помню.

– И я тоже не помню, – покачал головой Пино. – А без стихов никак нельзя?

– Без стихов не получится настоящего рождественского вечера, – ответила Керли. – Надо найти вашего Феликса.

– Он сейчас спит, – ответила Бетти.

– Осенью Феликс стал себя плохо чувствовать, и Пайк устроил его где-то в укромном месте, – добавил Пино.

– Придётся вашего Феликса разбудить, без него ничего не полу-

чится, – сказала Керли. – Вот увидите, как будет здорово: сначала – стихи, потом – вкусная еда, потом – Санта-Клаус с подарками!

И Керли пошла искать сторожевого пса Пайка, который точно знал, где ёж Феликс устроил себе нору на зиму.

Пробуждение Феликса

Найти ежа было довольно просто, но вот разбудить оказалось делом нешуточным. Пайк, которого уже заинтересовали рождественские приготовления, выгреб ёжика из-под толстого снежного ковра, разобрал плотный шуршащий слой прошлогодних листьев и наконец извлёк соню из вязаной синей шапки, которую ёжик использовал в качестве спального мешка. Это оказалось непростой задачей, так как сквозь шерстяные нитки из шапки во все стороны торчали маленькие серые иголочки.

– Ёжик, проснись, скоро придёт Рождество! – прошептала малышка Керли куда-то в середину колючего клубка, где, по её мнению, должны были быть уши. Ёжик пошевелился, но не проснулся.

– А ну, вставай! А то жас как наподдам! – уже сердито закричала Керли, вспомнив, как иногда разговаривают между собой гномики-подростки. (Конечно, когда их не слышат старшие.) На самом деле гномики вообще против всяких теле-

сных наказаний. Да и попробуйте «наподдать» ёжику, учитывая его острые иголки. Феликс вновь зашевелился и сонно пробурчал:

*Не шумите вы, стойте,
Поплотней меня укройте!*

– Он и правда сочиняет стихи! – захлопала в ладоши Керли. – Это, конечно, не рождественское стихотворение, но для тренировки подойдёт.

– **Я вам прямо по зубам...** – всё твердил полусонный Феликс.

– Надо бы его в тёплое место перенести, – задумчиво произнёс Пайк. – Сейчас подтаивает, но для ежей всё равно прохладно.

Малышка Керли с интересом рассматривала колючий клубок: где же за него можно взяться, чтобы не уколоться?

– Может, покатам его к домику смотрителя? – предложил Пайк. – Там тепло, а хозяин спит.

Так они и сделали. Вначале было трудновато, очень уж кололись иголки. Но вскоре колючий клубок оброс толстым слоем снега и превратился в снежный шарик.

Мышь Роберта, которая в это время прогуливалась по тропинке, подумала, что компания лепит снеговика, и решила помочь. До домика смотрителя докатился уже большой и тяжёлый снежный шар. Пайк, который ещё в детстве научился нажимать на дверные ручки, открыл дверь, и друзья вкатили снежный шар в дом. Смотрителя Вальдека в доме не оказалось, видимо, он делал утренний обход. От маленькой железной печки в углу комнаты исходил жар, и снежный шар стал быстро таять.

– Знаете эту загадку: на дворе – горой, а в избе – водой? – спросила Керли, глядя на расплывающуюся по полу лужу.

– Это ёж! – воскликнула Роберта, увидев показавшегося из-под снега Феликса.
– Это снег! – поучительно произнесла Керли.

*Всюду снег кружится –
Или он мне снится?*

– пробурчал всё так же сонно Феликс.
– Просыпайся, просыпайся, ёжик! – закричала малышка Керли прямо в ухо Феликсу. – Под лежачий камень вода не течёт. Быстро вставай и начинай сочинять стихи!

- Не хочу я никакой воды, – пробормотал ёжик. – Дайте мне поспать, ещё хотя бы пару-тройку месяцев...
- Может, оставим его в покое? – задумчиво произнёс Пайк. – Нехорошо заставлять сочинять стихи, когда поэт только проснулся.
- Нечего тут спать! – продолжала кричать Керли. – Поэт – это совесть мира. А совесть спать не должна!

Совесть мира просыпается

После долгих стараний Феликса всё же разбудили. Он открыл глаза, фыркнул и заявил:

– Я не понимаю, что тут происходит. Я не понимаю...

Керли прервала его:

– Феликс, тебе и не надо много понимать. Твоё дело – сочинять стихи.

(Надо заметить, она всё-таки была не совсем воспитанной малышкой.)

Керли нашла на столе кружку с недопитым кофе и заставила Феликса выпить сладкий горьковатый напиток, а затем бесцеремонно принялась тормошить ёжика:

– Ну как, проснулся? Ну, давай, давай, начинай сочинять. А то время поджимает.

– Ты могла бы прочесть ему хоть одно рождественское стихотворение? – спросила мышь Роберта у Керли. – Ёжик ведь ничего не знает о Рождестве.

Щёки Керли стали пунцовыми. Заучивание рождественских стихов в школе гномиков начиналось только во втором классе. Поэтому малышка смогла припомнить только один стишок, который слышала от старших братьев:

*Муха села на варенье –
Вот и всё стихотворенье...*

– На самом деле это не очень хорошее стихотворение, наш учитель сказал, что его читают только ленивые дети, которые не хотят встретить Рождество как следует. Так что ты, Феликс, лучше не учи его наизусть, – добавила Керли.

*Я – как ветер в облаках,
С песенкою на губах!*

– вдруг закричал Феликс и от восторга встал на задние лапки.

– Вот видишь, дело пошло, – обрадовалась Керли. – Давай, давай, слагай дальше. Только в рождественских стихах должны быть Санта-Клаус, гномики и ёлка. Можно также написать о детях и об ангелах, но решать тебе.

Феликс покачал головой. Из всего перечисленного он знал только ёлку. Складывать стихи из незнакомых слов он не умел, поэтому призвал на помощь весь свой жизненный опыт. И получилась такая абракадабра:

*Ёлка для ангела – домик,
Под ёлкой – Санта и гномик,
А рядом стоит дитя,
Крендель в руках вертя!*

– Настоящие рождественские стихи! – с восторгом воскликнула Керли. – Ну, кто их выучит для праздника?

– Я! – крикнула мышь Роберта.

Ей не то чтобы понравились эти стихи, просто она привыкла хватать всё, что можно получить бесплатно, и поэтому добавила:

– А ты можешь и мышь вставить в стихотворение?

– Мышь? – задумался Феликс. – Могу.

*Ёлка для ангела – домик,
Под ёлкой – Санта и гномик,
А рядом стоит дитя,
Мышку в руках вертя!*

– Совсем другое дело! – похвалила Феликса Роберта и повторила себе под нос:

– Ангел – на ветке, мышка – в клетке...

– Следующее стихотворение пиши для Пайка, – сказала Керли. – Давай, не тяни, ты должен написать стихи для всего зоопарка.

– Это невозможно, – пробурчал пёс. – Тут парнокопытных целое стадо, а о грызунах и говорить нечего. Ёжику придётся целый год сочинять стихи, чтобы зарифмовать весь зоопарк.

Феликс бросил на Пайка благодарный взгляд и тут же сочинил для него стихотворение:

*Пайк ждёт с надеждой Санта-
Клауса –
Не будет он его кусауса!*

– Запиши это, Пайк! – посоветовала Керли.

– Я не умею писать, – смущённо признался пёс, – только свою подпись могу поставить на снегу, подняв заднюю лапу. Может, ты запишешь, Керли?

– Если честно, то я знаю некоторые буквы, но вот

писать слова не умею. Мы ведь писать начнём только в следующем году. Я думаю, если каждый заучит своё стихотворение, мы справимся. Правда?

Она взволнованно посмотрела на Феликса:

– А ты не отвлекайся, тебе предстоит большая работа.

Феликс начал сочинять и отливал свои стихи так же быстро, как город Тула – самовары.

Керли дала задание мышке Роберте проверить, как запоминают стихи будущие декламаторы. Роберта челноком носилась по всему зоопарку, опасаясь, что забудет своё стихотворение. Через некоторое время из вольеров и клеток раздавался монотонный гул. Свои строчки заучивали слоны и антилопы, обезьяны и хомячки, волки и медведи, птицы и верблюды. Словом, весь зоопарк.

Туркменская козочка Вавочка, известная своим упрямым характером, бурчала:

*Санта-Клаус дорогой,
Я стою перед тобой.
Дай мне сена, не мясца –
Я – туркменская овца.*

Старый волк Вольфганг задумчиво бубнил себе под нос:

*Я – серый волк,
Зубами щёлк,
Дай мне, Санта,
Побольше таланта!*

Своим старым друзьям зайцам Феликс написал несколько сердечных строчек:

*Ждёт каждый заяц Рождества,
Альберт и Инес – два волхва!*

Бетти помогла Пино заучить стихотворение, которое Феликс сочинил для обезьян:

*Дорогой наш Санта-Клаус,
Обезьянкам что досталось?*

Феликс знал не слишком много о Рождестве, поэтому его стихи на этот раз не отличались большой фантазией, но слова «Санта-Клаус, дорогой» казались ему очень поэтичными, поэтому он вставил их почти в каждое стихотворение.

Сегодня в зоопарке было необычайно шумно и царило приподнятое настроение. Оно и понятно – скоро Рождество!

Пришли холода

Когда Пайк сообщил, что смотритель заканчивает обход, друзья решили перебраться в птичий домик. Смотритель Вальдек, конечно, был хорошим человеком, но даже хорошим людям не всегда нравится, когда их дом переполнен непрошенными гостями. Тем более, когда по дому носится мышь, декламируя стихи, а на полу растеклась лужа от растаявшего снега.

Ко всему прочему Керли не могла не выполнить первое и самое основное правило гномиков, которое она выучила ещё в детском саду: все гномики должны избегать встреч с людьми, особенно со взрослыми.

На улице становилось темно и холодно, а слякоть покрывалась ледяной корочкой. Ёж Феликс, не привыкший к зимним условиям, поскользнулся и свалился в небольшой сугроб. Вытащив его оттуда, Пайк заметил, что Феликс дрожит от холода.

– Тебе очень холодно? – с сочувствием спросил его пёс.

– Н-н-нет... – стуча зубами ответил Феликс и попробовал пошутить, мол, он мокрый не от снега, а вспотел от жары.

– У нас в Стране Рождества говорят, что погода не бывает слишком холодной. Просто кто-то слишком легко оделся. Крепись, тебе предстоит много работы! – попыталась подбодрить ёжика Керли. – Тебе же ещё надо написать стихи для рыб и пресмыкающихся.

Ёжик только охал и не говорил ни слова. При подходе к птичьему домику совесть мира в лице ёжика Феликса стала кашлять и чихать.

– Держись, Феликс! – подбадривала малышка ёжика. – От тебя многое зависит.

Ввалившись гурьбой в птичий домик, компания, не теряя времени, начала обсуждать стихи Феликса. Большинство птиц считали, что стихи, которые передавались из поколения в поколение, из клюва в клюв, куда больше подходят для праздника, чем стихи ёжика. Но мудрая сова Вамбола и пара попугаев, Эрна и Арви, были другого мнения.

– Так как МОЁ рождественское пожелание отличается от ПРОСТЫХ пожеланий ПРОСТЫХ птиц, мне надо персональное стихотворение, – веско произнесла сова. – Желательно на английском языке. Я слыхала, что в Англии появилась новая птичья энциклопедия, так сказать, «Who is who». Мне она нужна для научной работы. Так вот, дорогой Феликс, тебе придётся написать парочку стихов на английском языке. Это будет, так сказать, наводящей подсказкой для Санта-Клауса.

Скромная Эрна, слегка покраснев, произнесла:

– В нашем семействе скоро появится пополнение, поэтому мне бы хотелось получить в подарок большую упаковку памперсов, таких бумажных штанишек...

– Не беспокойтесь! – с энтузиазмом воскликнула малышка Керли. – Санта-Клаус и без подсказок знает все секретные желания.

Но ёж будто не слышал, что говорят вокруг, он нашёл уютное местечко под тёплым радиатором и свернулся клубочком.

– Что это ты задумал?! – сердито крикнула ему Керли. – Нельзя спать, когда публика ждёт от тебя творчества.

Феликс открыл глаза и сладко зевнул:

– Дай, я ещё малость вздремну, пару-тройку месяцев. К тому же у меня нет рифмы к словам «энциклопедия» и «памперсы». У меня есть только кашель и насморк.

– Но послушай же! – затормошила Феликса Керли. Но тут вдруг из тёмного угла птичьего домика хриплый голос позвал её по имени. Это была белая ворона, которая хотела поговорить с малышкой с глазу на глаз.

Вести из Страны Рождества

– Возможно, ты меня ещё помнишь? – спросила большая снежно-белая птица, задумчиво расправляя клювом свои перья. – Я – белый ворон Оттомар, в детстве ты каталась на моей спине. Мы – старые друзья с твоими родителями и до сих пор передаём друг другу весточки, если кто-то летит в Страну Рождества или наоборот оттуда – сюда. Кто знает, может, когда-нибудь я туда вернусь, когда здесь вылечат моё левое крыло.

– Ой, Оттомар, я с удовольствием возьму тебя с собой, когда отправлюсь домой, – радостно закричала Керли. – Хочешь, я прямо сейчас выпущу тебя из клетки?

– Стоп! – закричал в ответ белый ворон. – Ты – хорошая девочка, но твоя поспешность настораживает. Почему ты невнимательно слушаешь, что тебе говорят другие? Я же ясно сказал, что здесь мне лечат крыло, здешние врачи очень хорошие. И здесь прекрасно понимают, что белая ворона – это не фразеологизм, а самая настоящая редкость.

– Извини, – пробормотала Керли, – я подумала...

– Ты подумала? – перебил её Оттомар. – Сомневаюсь. Ты всегда сначала что-то делаешь, а потом думаешь. Во-первых, кто тебе разрешил убежать из дома? Во-вторых, о чём ты думала, когда посреди зимы растормошила ёжика? Разве ты не знаешь, что ежам, которых разбудили раньше срока, суждено умереть?

– О, нет! – воскликнула в отчаянии Керли. – Феликс такой милый и сочиняет такие прекрасные стихи! Лучше, чем наши гномы-поэты. Я уверена, что он бессмертен!

Ворон Оттомар пробурчал в ответ:

– Феликс действительно отличный рифмоплёт, но законы природы священны. Это даже люди стали понимать. И потом, так ли уж нужны эти стихи зверям и птицам?

– Естественно, нужны! Чтобы Санта-Клаус принёс им подарки, – ответила Керли. – Дети всегда получают подарки, когда рассказывают стихи и поют песни Санта-Клаусу.

– Обитателям зоопарка на Рождество всегда приносят что-нибудь вкусненькое. А потом, очень возможно, что на этот раз Санта-Клаус никому не принесёт подарков, ни детям, ни взрослым, не говоря уже о зверях.

– Ну, это ты загнул! – закричала Керли. – Санта-Клаус уже прибыл, я ведь сама прилетела сюда в его санях.

– Ты, видно, хорошо умеешь прятаться, раз тебя не обнаружили ни олени, ни гномики, ни сам Санта-Клаус. Ведь все думают, что ты заблудилась в тундре и пропала. В Стране Рождества по тебе все плачут и ни о каком празднике думать не хотят. Санта-Клаус сегодня собирается в обратный путь, потому что и у него нет праздничного настроения. Я слышал об этом от одного голубя, который сегодня залетал к оленям, чтобы передать им привет от их родственников в Лапландии. Твои родители, сёстры и братья безутешно рыдают. Носочки всех хороших детей болтаются на подоконниках пустыми, потому что все гномики вернулись домой. А самые лучшие охотники отправились в тундру на поиски полярной лисы Норы, которую подозревают в твоём похищении.

– Ой, какой ужас! – испугалась Керли. – Нора – мой старый друг, она никому не желает зла. Будет ужасно, если с Норой что-то случится. Я должна как можно скорее оказаться дома. Но как это сделать?..

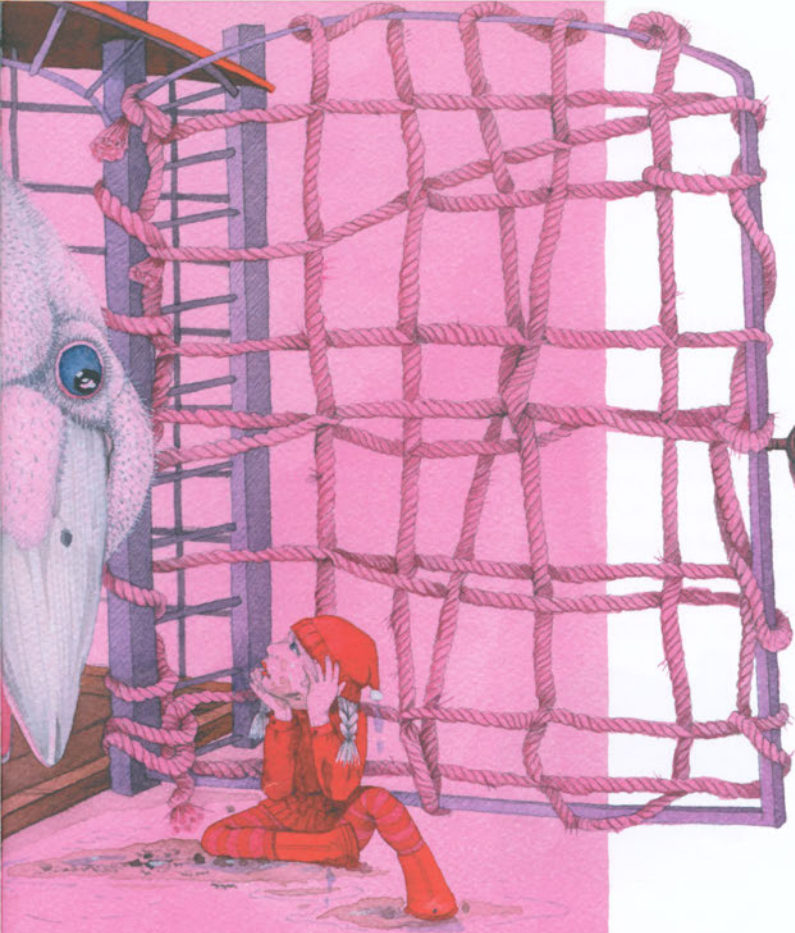
Малышка закрыла лицо руками и громко зарыдала.

– Какой я плохой ребёнок! Из меня никогда не получится настоящий гномик! Я сама себя в угол поставлю! Я сама себя накажу! Пусть мне будет хуже! – причитала она.

– Это хорошо, что ты понимаешь, что натворила, – проговорил белый ворон. – От стояния в углу меньше пользы, чем от сознания того, что ты поступила неправильно. Честно говоря, я уже попытался кое-что предпринять. Я попросил знакомого воробья Яна Воробьёва сообщить Санта-Клаусу, что ты жива-здорова и находишься в зоопарке. Ян в общем-то не очень обязательный, но надеюсь, он выполнит поручение, а уж потом

пойдёт играть в снежки или клевать крошки у пиццерии. Эй, что ты делаешь? – закричал Оттомар испуганно.

– Бум,бум, бум, – стучала головой о ведро Керли.

– Так мне и надо! – кричала она каждый раз, как только её лоб касался ведра.

Все обитатели птичьего домика испуганно наблюдали за странным поведением Керли. У Пайка от удивления отвисла челюсть, а мышь Роберта постучала лапкой по лбу.

– А ну, прекрати! – строго сказал Оттомар. – Ты набьёшь себе шишку на лбу. Давай лучше подумаем, как исправить то, что ты натворила.

– Кхе, кхе, – послышалось покашливание из другого угла птичьего домика. Сова Вамбола, которая, как всегда, сидела, погрузившись в свои мысли, тем не менее слышала всё, что говорили вокруг. Теперь она решила, что пора вмешаться в разговор.

– Прежде всего вы должны позаботиться о Феликсе, – заявила она. – Смотрите, каким обессиленным он выглядит. Я советую быстро его усыпить. Энциклопедию я могу взять из библиотеки, а попугаи обойдутся без памперсов. Другие тоже могут обойтись без подарков, когда жизнь ежа в опасности. Действовать надо быстро.

Счастливого рождественского сна, ёжик Феликс!

Быстро действовать – это в характере малышки Керли. Но в этот раз беготни взад-вперёд было явно недостаточно, требовалось всё как следует обдумать. К счастью, большинство обитателей зоопарка были готовы помочь Керли словом и делом, так как всех заботила судьба ёжика Феликса. Только серпентарий (домик, где живут змеи) остался хладнокровным по отношению к ежу. Да и сама Керли не пошла бы спрашивать совета у гадюк и тем более – у крокодилов. Правда, старый дедушка крокодил проронил несколько слёз. Но обмануть тех, кто хорошо знаком с крокодилами, было трудно – они знали цену крокодиловым слезам. Малышка Керли вместе с Пайком и Робертой бегали от одной клетки к другой, от вольера к вольеру и собирали пожертвования в пользу Феликса.

– Для ежа мне ничего не жалко, – сказал лев Юлиус. – С Феликсом было весело болтать о чём угодно. Один раз он даже нашёл у меня в ухе клеща и спас от нестерпимой головной боли. Отнесите ему от меня кусочек свежего мяса. Думал оставить его на рождественский десерт, но если этот кусочек поможет ёжику, то мне не жалко.

Бизониха Бритни передала Феликсу бутылочку молока, ведь все знают, как много сил даёт молоко ёжикам.

Бетти и Пино отказались от самого любимого своего лакомства – банана. Даже белый медведь Франц, который был слишком гордым, чтобы здороваться со всеми подряд, достал из своих запасов конфеты «МИШКА КОСОЛАПЫЙ» и передал их Феликсу с самыми лучшими пожеланиями:

– Сладость даёт энергию, а Феликс потерял много сил. Поблагодарите его за стихотворение, я всегда его читаю, когда у меня плохое настроение. Оно такое смешное:

*Что ты, Мишка, охаеть?
Может, просто плохо ешь?*

– Ведь как только перестаёшь охать, сразу становится лучше.

Козочки, ламы и верблюды послали Феликсу свою тёплую шерсть, а тигры и рыси подарили ему свой мягкий пушистый подшёрсток, который должен был его согреть. Птицы собрали перья. А волк Вольфганг принёс красную шапочку, которую один любопытный паренёк бросил ему в клетку, очевидно, полагая, что Вольфганг хорошо помнит содержание известной сказки. Но Вольфгангу было всё равно, какого цвета шапочка – красного, синего или жёлтого. Шапочка ему понравилась, и он сразу утащил её в свою берлогу. А теперь он решил подарить её Феликсу.

Глазки открыть ёжику было трудно, но его ротик открылся сам при запахе еды.

– Перед зимней спячкой ежи хорошенько наедаются, – сообщил Пайк. – Тогда холод им не страшен. От своего сочинительства Феликс так похудел, что ему надо срочно поправиться.

Ёжик дремал и ел, потом снова ел и дремал, пока не впал в глубокий безмятежный сон. Друзья хорошо укутали его козьей шерстью, обложили сеном, которым поделились зебры, сделали ему колыбельку из шапки Вольфганга, и Феликс стал похож на главного персонажа мультфильма «Ёжик в тумане». Весь этот хорошо и тепло укутанный клубок дружбы поместили в укромный уголок зоопарка.

– Теперь Феликса надо припорошить снежком, чтобы его никто не заметил, – сказал Пайк.

Тут в воздухе появились маленькие воробушки. Один из них приземлился прямо перед Керли и спросил:

– Привет! Ты ведь – гномик Керли?

– Да, это я! – закачала головой Керли так усердно, что помпон на её шапочке чуть не оторвался. – А ты, наверное, приятель Оттомара?

– Так точно! Меня зовут Ян Воробьёв. Я прилетел, чтобы предупредить тебя: через пять минут здесь будет Санта-Клаус.

– Правда?! – не поверила своим ушам Керли. – Разве он не вернулся в Страну Рождества? Он, наверное, так на меня сердится...

– Сердится, да ещё как, – утвердительно кивнул головой воробей. – Я успел вовремя. Он уже закрыл свой склад и собирался в обратный путь. Он не хотел верить, что ты находишься в зоопарке, но я сумел его убедить. Санта-Клаус сразу же позвонил директору зоопарка, и дядя Мати пообещал устроить здесь рождественский праздник. Быстро приводи себя в порядок и беги.

– Беги, беги, мы справимся без тебя, – сказала мышь Роберта, тяжело дыша от работы.

Керли, конечно же, хотелось сразу побежать к Санта-Клаусу, но она беспокоилась о ёжике.

– Мы с воробьями поможем, так что не волнуйся, – прочирикал Ян Воробьёв и громко свистнул:

– Ребята, за работу!

И тут словно снежный шторм начался – воробьи закружились в воздухе, поднимая снежные вихри. Куча пушистого снега росла, и теперь никто бы не догадался, что под мягким снежным одеялом спит сочинитель стихов ёж Феликс.

– Спасибо! – закричала Керли своим друзьям. И тут же услышала звон колокольчиков.

- Счастливого рождественского сна, ёжик Феликс! – крикнула малышка Керли на прощание. Вдруг из глубины снежной кучи донеслось какое-то неясное бормотание.
- Феликс желает всем счастливого Рождества! – сказал Пайк, который, как известно, обладал отменным слухом. – И детям, и взрослым, и зверям, и гномикам.
- Спасибо! – весело закричали в ответ друзья. – И тебе счастливого Рождества, Феликс! Пайк напряг уши и засмеялся.
- Феликс просил передать сове, что он нашёл рифму к слову «энциклопедия»:

*Всем нужна энциклопедия –
Это знают и медведь, и я!*

Ну Феликс даё-ё-ё-т! Даже во сне стихи сочиняет!

И тут все хором воскликнули:

– Поэт всегда остаётся поэтом!

Всем было немного жаль, что Феликс не может повеселиться вместе со всеми на рождественском празднике. Но что поделаешь! На Рождество каждый получает то, что хочет. Кто – печенье, кто – мёд, а кто – сладкий сон.

К тому же от Рождества до весны всего несколько месяцев. И приятно думать, что ёжик Феликс, полный поэтического вдохновения, скоро вновь появится среди своих друзей.

КНИГА ПЕРВАЯ Ёжик Феликс и криминальный зоопарк

Удивительный сон зайчихи Инес	4
Лунный зверь в свете дня	5
Ежонок изучает местность	9
Боевые песни зайцев	12
Ужин с сюрпризом	15
Феликс покидает приёмных родителей	19
Непривычное чувство свободы	23
Арест Феликса	28
Проблемы в львином семействе	32
Феликс и львёнок Пауль	36
Ежонок сочиняет песню для львёнка	38
Ночная прогулка	41
Расследование	46
Феликс выполняет спецзадание	52
Большой сбор	56

КНИГА ВТОРАЯ Ёжик Феликс и заботы осени

Феликс и его друг Солнышко 66

Похищение 70

Бег в мешке 72

Пароль 76

Появление золотой рыбки 78

Феликс начинает действовать 83

Телефон 86

Феликс учится плавать 89

Подвиг неизвестного героя 93

Конец сказания 100

Что делать дальше? 104

Неожиданное знакомство 109

Тсс-с, ёж Феликс спит 114

КНИГА ТРЕТЬЯ Ёжик Феликс и гномик Керли

Поговорим о гномиках 122

Гномик Керли 126

Три странные буквы 130

Гость из Страны Сказок 134

Вишни и вирши 138

Пробуждение Феликса 140

Совість мира просыпается 144

Пришли холода 150

Вести из Страны Рождества 154

Счастливого рождественского сна, ёжик Феликс! 158

